

СКАЗКИ, живущие в Прикамье

3 TMO T. 2 MTH. 3. 1993-86

СКАЗКИ,
живущие в Прикамье

Сказки народов земли Пермской

82
С 421

СКАЗКИ, живущие в Прикамье

Пермское книжное издательство
2002

82.3(0)-4 Сказки народные - народы Прикамья
ЗМК

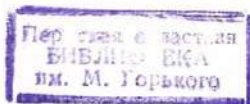
ББК 84Р1-4
УДК 882-93
С 42

Издано по инициативе и при финансовой поддержке
администрации Пермской области в рамках программы
гармонизации национальных и межнациональных отношений
народов Прикамья

Издательство выражает благодарность
национально-культурным
общественным объединениям
Пермской области
за помощь в создании этой книги

Составитель
кандидат исторических наук
Александр Черных

Художник
Аркадий Амирханов

III 2037525

ISBN 5-93683-018-7

© А. В. Черных. Составление, 2002
© А. Т. Амирханов. Иллюстрации, 2002
© Пермское книжное издательство, 2002

Дорогие читатели!

У вас в руках необычная книга: кажется, что в ней собраны сказки со всего света. Это так и не так. Дело в том, что в Прикамье живёт сейчас около ста различных народов. Некоторые из них поселились здесь давным-давно: это русские, коми-пермяки, коми-язьвинцы, удмурты, марийцы, манси, башкиры, татары. Другие пришли на Пермскую землю позднее — сто, двести лет назад, с возникновением и развитием на Каме крупных городов: это немцы, евреи, поляки, армяне, цыгане и белорусы. А есть и такие, что появились здесь совсем недавно, лишь в двадцатом веке: это чувашаи, украинцы, грузины, азербайджанцы, корейцы и китайцы. Но для всех них сегодня Прикамье — родной дом.

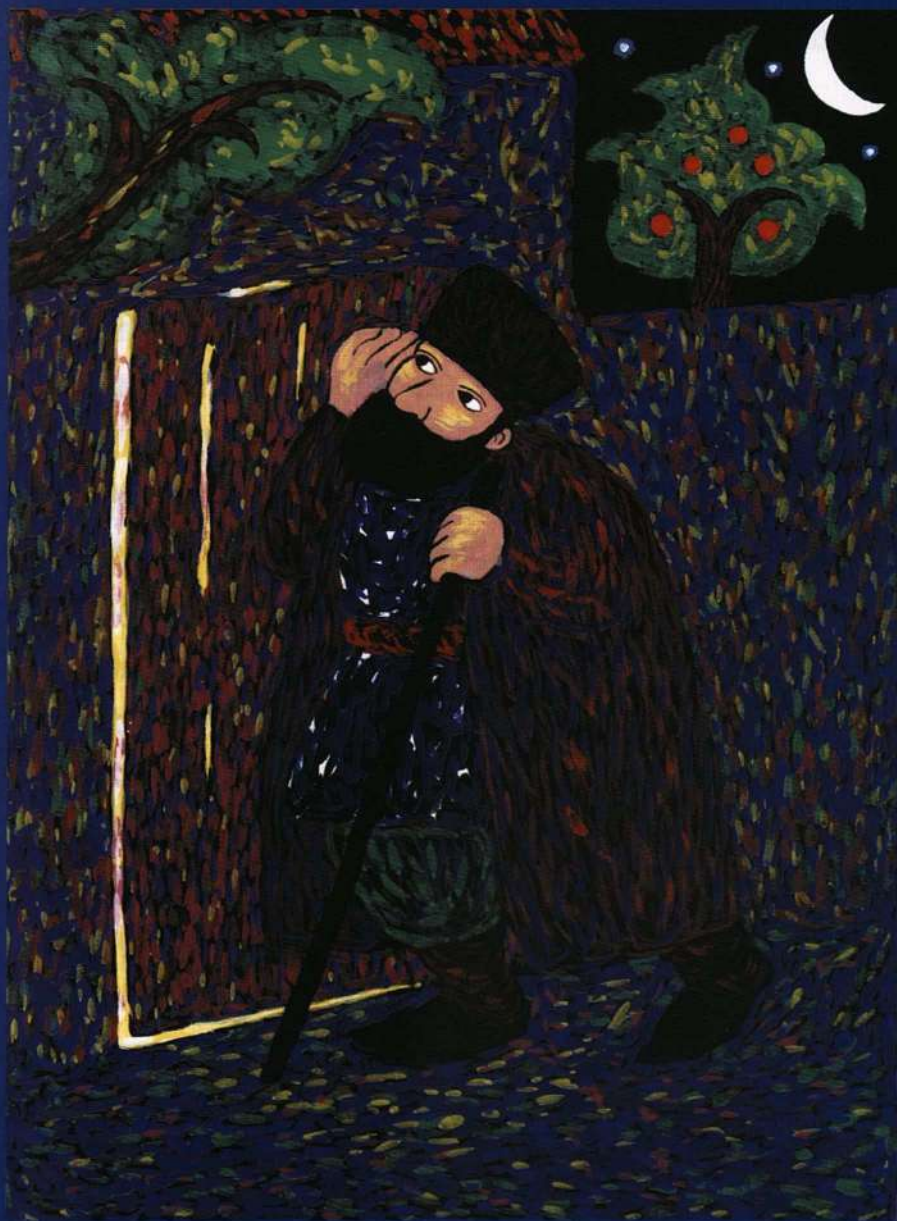
О любом народе можно рассказывать бесконечно, но лучше всего расскажет о себе он сам в простой и мудрой сказке. Сказка — душа народа и голос далёкого прошлого. Вслушайтесь в него, и вы почувствуете, как он чист и прекрасен.

Давным-давно, далеко-далёко — на Кавказе, там, где горы уходят в самое небо, — поселился весёлый работающий народ. Называли те люди себя азербайджанцами, а хлеб свой добывали трудом праведным: землю обрабатывали, овец разводили да другими делами не гнушались. Кто портным был, кто башмачником, кто иным ремеслом честное имя добывал.

Долог день, да и он к концу подходит; велика работа, да и с ней справляются. Умели азербайджанцы трудиться, умели и отдыхать. В какой дом ни зайди вечером — везде еда сытная, друзья-соседи весёлые. А если гость какой незнакомый пожалует, то и ему рады будут: угостят, напоят и спать оставят — отдыхай до утра, сил набирайся!

И ста лет не прошло, как появились первые азербайджанцы в Прикамье. Учиться приезжали, работать оставались. Немного людей этих в Пермской области живёт, всего около четырёх тысяч человек, да держатся друг за дружку крепко. Предков своих не забывают, традициям далёким верны: сказки древние хранят, от детей внукам передают-рассказывают, чтобы и они жили трудолюбиво и весело!

Башмачник Мурад и падишах

Азербайджанская сказка

Б

ЫЛО это или не было — жили-были на свете один несправедливый падишах и башмачник Мурад. Падишах в праздных утехах, а Мурад в шитье обуви коротали дни свои.

Однажды, в день-деньской, падишаху захотелось узнать, что толкует народ о его несправедливости. Посоветовавшись с визирем, переоделся он в старьё, перекинул суму через плечо, прихватил посох и вечером выскользнул из дворца. Обойдя весь город, оказался он на одной из окраинных улиц своей столицы. Проходя мимо одного из дворов и услышав полногрудый смех, остановился и задумался: «Кто же смеет, во времена мои, так громко смеяться?» Постучался в дверь. Голос со двора спросил:

— Кто там?

Падишах ответил:

— Я странник, впервые в вашем городе, негде переночевать, пустите погостить на одну ночку...

Хозяин дома сказал:

— И дверь моего дома, и моё застолье всегда открыты гостю.

Потом, открыв дверь, с уважением принял гостя и проводил его в дом. Хозяюшка накрыла на стол. Поели-попили, побеседовали сладостно. Когда же хотели постелить, падишах начал:

— Об одном хотел бы спросить...

— Да хоть о двух, — ответил хозяин.

Падишах поделился:

— Твоё житьё-бытьё мне очень понравилось. Хочу знать, каким ремеслом ты зарабатываешь на хлеб и коротаешь дни свои?

Хозяин сказал:

— Да каким ремеслом? Башмачник я — и зовут меня Мурад. С утра до вечера на перекрёстке улиц стараюсь я иглой и шилом зарабатывать на хлеб. А дневной барыш делю с гостями за домашним столом. Так коротаю дни.

Падишах, ничего не сказав, задумался. Так прошла ночь. После завтрака Мурад, прощаясь с падишахом, добавил:

— Дорогой ты мой гость, мой дом — твой дом, не стесняйся, вечером опять приходи, и да хранит зеница ока облик твой...

Поблагодарив, расстался падишах с башмачником. И в тот же день глашатаи огласили фирман* падишаха:

— Да знайте же, люди, указ падишаха! С сего дня никому не дозволяется быть уличным сапожником. Тот, кто ослушается, заслужит кару падишаха...

Вечером, после захода солнца, падишах снова переоделся и, прихватив свой посох, направился в сторону дома башмачника.

Войдя в дом и увидев, что стол накрыт и гостей дюжина, падишах спросил Мурада:

— Видать, сегодня на славу потрудился и зажил?

Мурад ответил:

— Не совсем, падишах запретил мне моё честное ремесло.

— Тогда откуда же деньги на угощение?

* *Фирман* — указ.

— О гость дорогой, когда огласили фирман падишаха, я не испугался и не растерялся. Взял метлу и подмёл перед домами и дуканами*. Мало-помалу, много-помногу — потрудился изрядно и прибыток получил немалый. Решив, что покуда я жив — гостей будет полный дом, созвал соседей.

Падишах, задумавшись, прикусил палец. Переночевав, утром вернулся во дворец. В тот же день в городе огласили новый запрет:

— Да знайте же, люди, указ падишаха! С сего дня в городе запрещается быть дворником.

Вечером, когда стемнело, падишах отправился к Мураду. Подходя к дому, услышал он звуки тара** и бубна. Изумлённый падишах постучался в дверь. Открывший дверь Мурад радостно поприветствовал его:

— Добро пожаловать, гость ты мой дорогой, заходи.

Зайдя в дом, падишах увидел, что стол накрыт, блюда выжидают, сазенде*** играет, а ханенде**** поёт. Покамест гости были увлечены едой, падишах спросил:

— Должно быть, ты как дворник сегодня прилично намёл?

Мурад грустно ответил:

— Падишах словно воюет со мной. За какое бы ремесло я ни взялся — сразу запрещает. С таким трудом накрываемое застолье хочет закрыть. Видать, не знает, что кто своим трудом свой век доживает — не побоится злодейств падишаха. Сегодня, услышав голос глашатая, я оделся, как надзиратель падишаха. В окрестностях города, оштрафовав нарушителей порядка, зара-

* Дукан — магазин.

** Тар — струнный музыкальный инструмент.

*** Сазенде — играющий на таре.

**** Ханенде — певец.

ботал больше, чем вчера. Признаться, это незаконное дело. Однако ж сам падишах заставляет меня бросить своё честное ремесло и заниматься такими делами.

Гости Мурада напелись-наигрались, натанцевались и разошлись в полночь. Каждый — в свой дом, а падишах углубился в думу. «Неужели я даже с одним сапожником не смогу справиться?» — горько корил он себя.

Утром Мурад, проводив гостя, переоделся в одежду надзирателя и вышел в город. В тот день указа не последовало. Падишах, посоветовавшись с визирями, облачил двух своих слуг в купеческие одежды и отправил туда, где Мурад коротал свой день. Слуги, узнав Мурада, начали изображать между собой ссору. Мурад, приблизившись, громко гаркнул:

— Что здесь стряслось? Разве вы не знаете, что нельзя шуметь и нарушать покой горожан?

— Он не возвращает мне долг, — пожаловался один из купцов.

— Врёт, он сам мой должник, — спорил другой.

Мурад рассудил:

— Я вижу, что оба вы забияки-драчуны. Именем падишаха вы оштрафованы. Или платите, или вас арестуют.

Купцы признались, что они слуги падишаха. Привели Мурада во дворец и рассказали падишаху обо всём.

— Вина твоя велика, — сказал падишах, — но поскольку ты пёкся и за покой в городе, то я прощаю тебя. С сего дня назначаю тебя служащим двора. Отныне будешь исполнять все мои приказы.

Мурад не разгадал тайну такой «милости» падишаха. Его одели, опоясали мечом узорчатым и до захода солнца продержали во дворце. После падишах сказал Мураду:

— Сейчас иди, а завтра ни свет ни заря явишься перед ликом моим исполнять приказания...

— Слушаюсь, — сказал Мурад и направился в свой дом. И падишах тем временем, переодевшись, добрался до дома Мурада. Там так играли, танцевали и пели, что уши закладывало. Мурад принимал гостей, а жена готовила еду. Мурад узнал гостя:

— Заходи, заходи. С того дня, как ты приехал, у меня с падишахом не ладится. Каждый день издаёт указы, чтобы лишить меня ремесла... Но он не сможет своими кознями прикрыть мой всем открытый стол. Коли он — падишах, то и я — сапожник Мурад.

Пока гости ели-пили и веселились, падишах, улучив момент, спросил:

— Видать, сегодня многих оштрафовал?

— Нет, ни одного, — ответил Мурад.

— Откуда же деньги на угощение? — заподозрил падишах.

— Хвала падишаху, — объяснил Мурад. — Сегодня слуги падишаха увезли меня во дворец и продержали до вечера. Когда стемнело, падишах отпустил меня домой. Если бы я вернулся без денег, то мой стол остался бы не накрытым. Пришлось придумать кое-что. Заложил клинок меча, который дал мне падишах. Накупил всё для стола и пригласил гостей. Позвал даже музыкантов, чтоб было веселее.

— А как же с мечом без клинка предстанешь пред ликом своего господина? — спросил падишах.

Башмачник Мурад признался:

— По моей просьбе сделали деревянный клинок.

Утром, чуть свет, каждый своим путём добрался до дворца.

Когда Мурад прибыл во дворец, то увидел нескольких узников в кандалах.

— Сегодня будут судить убийц, — предупредили Мурада.

Падишах в красном одеянии воссел на трон. Оглядев хмурым взглядом визиря, буркнул:

— Готовы ли палачи?

Визирь подтвердил:

— Да, господин.

— Здесь ли мой новобранец? — спросил падишах.

— Я целиком в вашем распоряжении, — опередил всех Мурад.

— Тогда сей час же отруби голову этому узнику! — приказал падишах.

Услышав волю падишаха, Мурад не растерялся. Мгновенно подскочив к узнику, он схватился за рукоятку меча и взмолил:

— О узник! Виновен ты или нет, это мне неизвестно. Такова воля падишаха, я, покоряясь ему, казню тебя. Если ты и вправду душегуб, то пусть лезвие моего меча будет острее, чем бритва, а если — нет, то пусть меч мой расколется на части.

Сказав так, он занёс меч над головою узника и попытался рассечь его надвое, но меч раскололся на части. И Мурад, обращаясь к падишаху, сказал:

— О падишах! Этот человек, оказывается, не был душегубом. Если бы он был виновным, мой клинок не одеревенел бы.

Падишах, удивлённый находчивостью, умом и предприимчивостью Мурада, не найдя, чем возразить ему, смирился:

— С тобой я не справился. Ступай — вращай колесо своей судьбы.

Мурад вернулся в свой дом, вновь стал башмачником, обращая своим нравом колесо времени вспять, стал добро наживать да гостей созывать.

Хорошо сказки сказывать, да прежде чем сказкам на свет родиться, надо людям появиться. Так оно и выходит.

Вот армянский народ: давно на земле живёт, много сказок хранит в своей памяти. И мудры те слова, что до нас из далёких времён донеслись, — каждое на вес золота.

В Армении небо синее, горы высокие, реки быстрые. И помнят армяне, где бы они ни были, край родной: гору Арагац, озеро Севан, реки Аракс да Раздан. Помнят и в других краях не забывают, что родились они для того, чтобы для других жить. Брат брату последнее отдаст, друг для друга звезду с неба достанет.

Гордятся люди дружбой с армянами, и земля Пермская рада народу этому. Почти двести лет прошло с той поры, как появились армяне на Урале. Одним из первых был знаменитый заводовладелец Абамелек-Лазарев. И сейчас живут здесь и трудятся две с половиной тысячи человек. Есть среди них люди известные, талантливые — славу земле Пермской добывают. Другие скромно живут, но честно и справедливо, как сказки учат.

Хозяин и работник

Армянская сказка

или-были два брата-бедняка. Когда нужда их совсем доконала, они решили: пусть младший останется дома, а старший пойдёт наймётся в работники и будет заработок посылать домой. Как задумали, так и сделали. Младший остался дома присматривать за хозяйством, а старший отправился в чужие края и нанялся работником к богатому хозяину. Срок работы должен был, по уговору, истечь к весне, когда запоёт кукушка. Но хозяин поставил работнику такое условие:

— Если до истечения срока уговора один из нас рассердится, пусть он платит неустойку: если ты рассердишься — заплатишь мне тысячу рублей; ну а если я рассержусь — заплачу тебе столько же.

— Но ведь у меня нет тысячи рублей.

— Не беда, взамен прослужишь мне десять лет.

Работник сначала испугался и не хотел идти на такие условия: и тысячи рублей нет, и даром десять лет работать неохота, — но потом, поразмыслив, согласился.

«Что бы там ни говорили, не буду сердиться, а если хозяин рассердится — пусть платит мне по уговору», — подумал он про себя и нанялся в работники.

На следующий день рано утром, когда ещё и солнце не взошло, хозяин послал работника в поле.

— Поди, — сказал он, — пока светло, коси и вернись с наступлением темноты.

Работник весь день проработал в поле, а когда вечером усталый вернулся домой, хозяин спросил:

— Почему это ты вернулся?

— Как — почему? Солнце зашло, вот я и вернулся, — ответил работник.

— Э, нет, так нельзя. Я тебе говорил: покуда светло, нужно косить. Солнце зашло, но зато взошла его сестра — луна. Она также недурно светит.

— Как это можно? — удивился работник.

— Да ты, видимо, сердишься? — спросил хозяин.

— Не сержусь, что ты, а только я сильно устал... отдохну маленько... — ответил работник заплетающимся от испуга языком и опять пошёл в поле работать.

Так он косил до захода луны, но вслед за ней взошло солнце. Работник, изнурённый, свалился наземь.

— Будь проклято и твоё поле, и твой хлеб, и твои деньги! — начал он с отчаяния поносить хозяина.

При этих словах откуда-то появился хозяин:

— Да ты что это — сердишься? Если сердишься, знай: уговор наш нерушимый — и понапрасну потом не болтай, что я незаконно поступил с тобой.

Очутился работник меж двух огней: и тысячи рублей нет, чтобы дать их хозяину, и работать у такого человека десять лет невыносимо.

Думал он, думал и наконец дал хозяину письменное обяза-

тельство уплатить ему тысячу рублей и с пустыми руками вернулся к себе домой.

— Ну что, как дела? — спросил младший брат.

Старший подробно рассказал ему всё, что с ним случилось.

— Не беда, не горюй, — сказал младший брат. — Теперь ты оставайся дома, а я пойду наймусь в работники.

Хозяин опять поставил условие: срок работы — до весеннего кукования кукушки. Если рассердится работник — заплатит хозяину тысячу рублей или проработает на него бесплатно десять лет; если же рассердится хозяин — он платит работнику тысячу рублей и отпускает его на волю.

— Нет, этого мало: если ты рассердишься — ты мне платишь две тысячи рублей; если же я — дам тебе две тысячи рублей или стану работать на тебя даром двадцать лет.

— Ладно! — обрадовался хозяин. Ударили по рукам, и младший брат поступил к нему в работники.

На следующий день солнце поднялось, а работник всё ещё спит.

Хозяин стал его будить:

— Помилуй, скоро полдень, а ты всё лежишь!

— Ты что — сердишься? — приподнимая голову, спросил работник.

— Не сержусь, — ответил хозяин, — я хочу сказать, что надо пойти в поле косить траву...

Наконец работник встал и начал медленно потягиваться и одеваться.

— Поторопись же, братец, этак нельзя!

— Да что ты — сердишься?

— Нет, и не думаю. Я хочу лишь сказать, что опаздываем на работу...

Покуда работник собрался и вышел в поле — наступил полдень.

— Стоит ли работать теперь? — сказал он хозяину. — А видишь: все обедают — давай-ка пообедаем и мы.

Сели они обедать. После обеда работник говорит хозяину:

— Люди мы трудовые, а потому нам нужно малость поспать, набраться силы. — И, уткнув голову в траву, заснул до вечера.

— Послушай, побойся ты Бога. Уже темнеет, все скосили свои поля, лишь наше осталось не скошенным!.. Да чтоб сломалась шея того, кто тебя ко мне прислал! Что это за наказание! — начал было с отчаянием хозяин.

— Да ведь ты сердишься? — подняв голову, спросил работник.

— Нет, не сержусь, а лишь хочу сказать, что стемнело, пора домой.

— Это другое дело, пойдём. А уговор остаётся.

Вернувшись домой, хозяин застал гостя. Послал он работника на скотный двор зарезать одну из овец.

— Какую? — спросил работник.

— Какая попадётся.

Прошло немного времени — и вот бегут к хозяину люди и говорят, что его работник с ума сошёл: режет овец одну за другой. Выбежал хозяин из дому, видит — и впрямь зарезано всё его стадо. Тут он вышел из себя и стал кричать:

— Да чтоб обрушился твой кров. Что это ты наделал?

— Ведь ты же сказал: «Какая попадётся, такую и режь».

Я так и резал и ничего дурного не сделал, — спокойно ответил работник. — Но, как вижу, ты опять сердишься?

— Нет, не сержусь, но мне жалко, что ты зря истребил моё стадо...

— Ладно, не сердишься — так буду работать.

Младший брат проработал так несколько месяцев и до отчаяния довёл своего хозяина. Тот решил как-нибудь от него избавиться. По уговору, работник должен был уйти с весенним кукованием кукушки, между тем начиналась зима и до весеннего кукования кукушки было далеко.

Подумал, подумал хозяин и решил пойти на хитрость: повёл он жену в лес, поднял её на дерево и наказал куковать, как только он придёт в лес с работником. Сам же пошёл домой и велел работнику собираться с ним вместе в лес на охоту. Как вошли они в лес, жена хозяина и давай куковать:

— Ку-ку! Ку-ку!

— Ого! Поздравляю тебя: кукушка кукует — твой срок службы истёк.

Паренёк сейчас же понял проделку хозяина.

— Нет, — сказал он, — слыхано ли дело, чтобы среди зимы куковала кукушка! Я эту кукушку должен убить и посмотреть, что это за птица такая.

При этих словах он прицелился, направив ружьё на дерево, на котором сидела жена хозяина.

Хозяин с рёвом бросился на него и едва уговорил работника не стрелять.

— Да чтоб ты сдох, скотина, извёл ты меня!..

— Ты сердишься, как я вижу? — спросил работник хозяина.

— Да, да, братец, сержусь! — ответил тот. — Пойдём, я уплачу тебе, и отвяжись ты от меня! Теперь-то уж я понимаю, что значит старая поговорка: «Не рой другому яму — сам в неё попадёшь».

Получив деньги, младший брат вернулся домой. А богач поумнел и не заставлял больше никого работать при луне в поле.

«И не в тридевятом, и не в тридесятом царстве, а тут, рядышком вовсе, с давних пор народ живёт...»

Вот так можно начать рассказ о башкирах — народе, о котором тысячу лет люди знают.

Не было в ту пору на земле Пермской городов, не стояло заводов — леса были гуще, а степи — шире. И чем только не занимались башкиры в те давние времена: и охотой, и рыболовством, и скот разводили, и дикий мёд собирали, а потом и землю пахать стали. Жизнь — воля: ветер подул — голоса принёс; лес зашумел — о своём рассказывает; трава колыхнулась — не беда ли случилась? Конь, милый друг, рядом всхрапнул — выручай, родимый!

За умение своё в седле сидеть, да зверя бить, да за вёрсты врага слышать служили башкиры у царя тогда ещё в казачьих войсках. Не раз супостатов громили, а было дело — и до Парижа, столицы французской, доходили.

Хорошо башкиры жили, дружно. С татарами породнились, частенько теперь на одном языке говорят. И живёт их на земле Пермской более пятидесяти тысяч человек!

Почему животные не разговаривают

Башкирская сказка

Б

ЫЛО это давно, когда куры, кошки и собаки разговаривать умели.

У одного человека овца заболела. Лежит, не ест, не пьёт, головы не поднимает. Зашла в хлев собака и стала есть пищу, которую овце положили. А раньше куры и овцы в одном хлеву жили. Собака решила и у курицы пищу съесть. А курица и говорит:

— Ты нашу пищу не трогай: завтра у хозяина овца умрёт — ты овечьего мяса поешь.

В это время жена хозяина в хлев вошла больную овцу посмотреть. Услышала эти слова и рассказала мужу. Муж говорит:

— Ну раз овца умрёт, нужно её зарезать.

Зарезали овцу. На другой день собака снова в хлев приходит, а жена опять стоит слушает. Собака и на этот раз захотела у курицы её пищу съесть. А та говорит:

— Не ешь нашу пищу: завтра у хозяина корова умрёт — поешь коровьего мяса.

Жена это услышала и передала мужу.

Муж говорит:

— Ну раз корова умрёт, нужно её зарезать.

Зарезали и корову. На третий день собака снова в хлев заходит, а курица говорит:

— Не ешь нашу пищу: завтра хозяин умрёт, ему коня зарежут, чтобы справить поминки, — поешь конины.

Жена услышала, побежала к мужу вне себя от страха и всё ему рассказала. Муж загоревал и на следующий день умер.

Бог увидел, что от одной курицы столько бед: овцу, корову, коня зарезали, хозяин умер, — и он, чтобы беды не было, лишил её человеческого языка. А заодно и всех других животных — чтобы лишнего не болтали.

С тех пор животные, что рядом с человеком живут, всё знают, а сказать не могут.

Живёт в Прикамье народ белорусский : тут один человек, там другой, приглядишь, так и третьего увидишь, а всего их в Пермской области почти двадцать тысяч обитает. Откуда взялись? С княжества Полоцкого да Турово-Пинского. Когда такие были? Да почитай, уж веков десять прошло!

У нас-то, на земле Пермской, белорусы лет сто всего живут — за лучшей долей пришли, да так и остались, — трудолюбивые, не спесивые, чужого им не надобно, своего бы досталось!

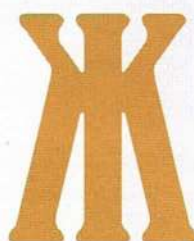
Первое время называли пермяки белорусов «могилями» да «могулями». За то, что большая их часть к нам из Могилёвской губернии перебралась.

Русь, Белая Русь... Говорят, белая — значит чистая, искренняя, как и сказки белорусские: как жили старики, так и детям передать завещали.

Мужик и вельможа

Белорусская сказка

ил когда-то мужик. Копал он погреб и нашёл в земле кусок золота.

«Куда мне его девать? — думает мужик. — Себе оставлю — пан отнимет. А пан не отнимет — отнимет управляющий, а не управляющий — так староста. Понесу-ка я лучше это золото царю. Царь меня наградит, а уж царской награды никто не отберёт!»

Надел мужик новые лапти и пошёл к царю.

Долго ли, коротко ли — дошёл до царского дворца. Часовой его спрашивает:

- Ты куда, мужик, идёшь?
- Хочу царю свою находку отдать.
- А что это за находка?
- Кусок золота.

Ну, часовой и пропустил его. И второй, и третий, и четвёртый часовые пропустили.

Дошёл мужик до царской палаты. А там у дверей вельможа стоит, толстый, важный.

- Ты куда, мужик, лезешь?
- К царю, паночек.
- К царю? А что ты там забыл?

— А вот копал я погреб, нашёл кусок золота и несу царю в подарок.

Загорелись глаза у жадного вельможи:

— Золото? А ну покажи!

Показал мужик золото. Вельможа затрясся весь от жадности и говорит:

— Коли дашь мне половину царской награды, пропущу тебя к царю. А не дашь — ступай прочь!

Что тут делать?

— Хорошо, паночек, дам, — отвечает ему мужик.

Пропустил вельможа мужика к царю.

— Здравствуй, царёчек-паночек! — говорит мужик. — Я тебе подарок принёс.

И показал ему кусок золота. Царь взял золото и спрашивает:

— Что же тебе дать за этакий подарочек?

— Ничего, царёчек-паночек, мне не надо. Если милость твоя будет, дай мне чарку горилки* да краюшку хлеба, а то я, пока к тебе шёл, дюже проголодался!

Царь приказал принести целый графин горилки да каравай белого хлеба.

Мужик глянул на белый хлеб и говорит:

— И отец мой, и дед мой никогда такого хлеба не едали, не видали — не стану и я его есть! Нет ли у тебя, царёчек-паночек, простого ржаного хлебца?

Приказал царь принести ржаного хлеба. Побежали слуги, разыскали у ворот старичка нищего, выпросили у него горбушку хлеба, принесли мужику.

* Горилка — водка.

— Вот этот хлеб по мне! — говорит мужик.

Налил он чарку до краёв, выпил, закусил хлебцем. Налил другую, выпил, закусил. Налил третью, выпил, закусил. Так весь графин горилки выпил и всю горбушку съел.

— Ну, — говорит, — спасибо тебе, царёчек-паночек, вот я и наелся и напился вволю!

— Что же теперь тебе, мужичок, дать?

— Теперь, царёчек-паночек, поплясать бы мне.

— Музыку сюда! — приказывает царь.

Привели полковых музыкантов.

— Нет, царёчек-паночек! — говорит мужик. — Под такую музыку я плясать не умею. Мне под дудку плясать охота!

Царь разослал по всему городу слуг — дударя искать. Нашли его, привели. Заиграл дударь — стал мужик плясать. Плясал, плясал, уморился и говорит:

— Довольно!

Тогда царь спрашивает его:

— Чего же тебе ещё нужно?

— Теперь, царёчек-паночек, мне охота поспать.

Царь приказал приготовить для мужика постель. Приготовили мужику постель пуховую, а он на перину поглядывает, с ноги на ногу переминается, не желает ложиться.

— Эта постель не по мне, я сроду на пуху не спал. Мне бы гороховой соломки!

Привезли целый воз гороховой соломы. Мужик шапку под голову да и захрапел на весь дворец. Выспался, поднялся да и говорит:

— Спасибо, царёчек-паночек! Я тебе тут нагрубил, насорил — дай мне за это сто розог!

— Что ты, мужичок, какие розги? Ты же мне золото подарил!

— Э, царёчек-паночек! Прошу я, будь ласков, дай мне в награду сто розог!

Что тут поделаешь? Принесли розги. Хотели было мужика пороть, а он говорит:

— погоди, царёчек-паночек, у меня есть половинник!

— Какой половинник?

— Как шёл я сюда, так меня один важный такой пан не пускал. «Коли дашь, — говорит, — половину того, что царь тебе даст, то пущу». Я и обещал. Так дай сначала ему пятьдесят розог, а потом мне — остальные.

Привели вельможу.

Приказал царь раздеть его, положить на скамью и наградить как должно. Задрожал, затрясся вельможа.

— Ничего, паночек, — говорит мужик, — не бойся, я тебя не обману: как условились, так и получишь.

Уложили вельможу и всыпали ему пятьдесят горячих!

Мужик говорит:

— Ах, царёчек-паночек, он у вас так хорошо служит! Надо его за это наградить, отдайте ему и мою половину!

Дали вельможе ещё пятьдесят розог, а всех — сто.

Как рассчитались с вельможей, царь хотел было расспросить мужика, откуда он, хотел наградить его по-настоящему, а мужик — шапку в охапку да за дверь, только его и видели.

«Не то, — думает, — выпадет мне ещё такая честь, что нельзя будет её и снести!»

Сто тысяч раз просыпалось солнце, поднималось в небо: освещало горы, согревало землю. Наливался солнечным светом виноград, наполнялся теплом чайный лист, и рождались на свет дети — сердцем, как солнце, горячие, душой, как солнце, радушные, добрые. И звучали над землёй песни, и песней были имена городов и рек: Тбилиси, Риони...

Где грузина ни повстречаешь, всюду его узнаешь. Поссоришься — врага вечного наживёшь, подружишься — лучшего друга искать не надо.

С далёкого Кавказа, из древних времён, про которые говорят «до нашей эры», пришёл грузинский народ. В Перми его уж сто лет как знают. А на всю Пермскую область почти две тысячи грузин наберётся!

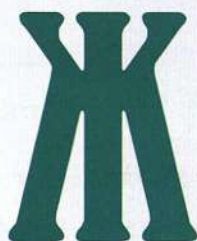
За что бы грузины ни брались, всё у них получается: трудиться начнут — виноградная лоза на камне вырастет; песню запоют — ветер заслушается; танцевать станут — и старик, глядя на них, в круг пойдёт.

Славится грузинский народ долголетием да мудростью, сказаний у него столько, что всё вместе сложи — гора до солнца поднимется. И сказки грузинские мудрости полны. Читай, на ус наматывай!

Про царя и его сына

Грузинская сказка

Жил на свете один великий царь. Как состарился он и пришло ему время умирать, позвал царь единственного своего сына и наследника и сказал:

— Сын мой, сам видишь: стар я и одной ногой уже в могиле, не сегодня завтра умру, и останешься ты один, и всё царство в твоих руках будет. Слушай мой последний наказ. Иди и поставь себе везде, где найдёшь нужным, по надёжному дому, чтобы в горе и нужде мог ты укрыться там и найти себе приют.

Послушался сын отца, взял с собой побольше денег и тотчас отправился исполнять его наказ.

Ходит по всему царству и, где только понравится ему место — гора ли то, долина ли, деревня или дикий лес, — строит себе прекрасные дворцы.

Поставил он так много дворцов и довольный вернулся домой.

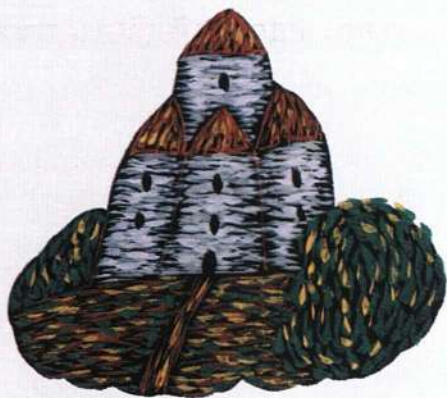
Призвал его отец и спрашивает:

— Что, сынок, исполнил ли ты мой наказ? Поставил ли себе дома по слову моему, будет ли у тебя где укрыться в тяжёлую минуту?

— Да, отец! — говорит сын. — Всё сделал, как ты велел.

Везде, где только понравилось мне место — в горах или в долине, в деревне или в диком лесу, — поставил я прекрасные дворцы. Много дорог исходил, все деньги потратил, но зато дворцы удались на славу.

— Горе тебе, сын мой, — говорит отец. — Не так ты понял мои слова, не те ты дома строил, о каких я тебе говорил: пустые дворцы, сынок, не помогут в горе и не укроют от беды. Я тебя учил: по всему царству найди честных и верных людей, полюби их, подружись с ними, и они-то и дадут тебе надёжное пристанище в тяжёлую минуту. Знай: если есть где у человека верный и честный друг, там и дом и кров для него найдутся.

«От глубоких морей до высоких вершин землю можно пройти, но народа мудрей на планете на всей нынче нам не найти», — пел да рассказывал о еврейском народе сказитель.

Тяжёлые годы и страшные напасти знакомы этому древнему народу, но так уж устроены евреи — счастье своё добывать через трудности великие. Где силой, а где мудростью побеждали они врагов; верой в день грядущий переживали тяжёлые годы; смеялись, когда надо было бы плакать, и плакали, когда не сдержать было слёз. А когда становилось совсем уж невмоготу, искали пристанище в далёких странах.

Видно, в поисках лучшей доли попали евреи и на Пермскую землю. Почти двести лет провели они здесь — родиной стало Прикамье нескольким тысячам евреев.

Левиафан, лисица и рыбы

Еврейская сказка

Прослышал Левиафан*, владыка рыбьего царства, что лисица — самая умная из земных тварей. И захотелось ему стать таким же умным, как она. Послал он к ней больших и сильных рыб, приказав им похитить лисий разум и доставить ему.

Подплыв к берегу, рыбы ещё издали завидели лисицу и начали бить хвостами в воде. Лисица заметила рябь на поверхности и спросила рыб:

— Что это вы тут делаете у самого берега?

— Тебя ожидаем.

— А зачем я вам понадобилась? — удивилась лисица.

— Как, неужели ты не знаешь, что наш повелитель Левиафан тяжело заболел, не сегодня завтра умрёт, и назначил тебя своей единственной наследницей? Слух о твоём остром уме дошёл до самых морских глубин, и Левиафан хочет, чтобы ты была царицей всего подводного царства.

— А как я доберусь к Левиафану? — спросила лисица.

— Садись верхом на меня, — ответила старшая из рыб, — и я мигом доставлю тебя. У нас ты заживёшь в богатстве и роскоши.

* Левиафан — гигантская рыба, царь подводного мира.

От этих слов закружилась у лисицы голова, и она согласилась отправиться в дальний путь.

Когда рыбы оказались далеко от берега, лисица испугалась:

— Милые рыбки, — проговорила она, — сейчас я в вашей власти, скажите же мне правду, что вы хотите со мной сделать?

— Сейчас можно рассказать ей всё, — согласились рыбы. — Наш царь прослышал, что ты самая умная из всех тварей. И он решил съесть твоё сердце, чтобы стать таким же умным*.

Лисица встрепелась:

— Почему же вы мне сразу этого не сказали? Знай я, в чём дело, я бы обязательно захватила с собой своё сердце. Экие вы бестолковые!

— А разве твоё сердце не при тебе? — удивились рыбы.

— Понятно, не при мне, — ответила лисица, — у нас, у лисиц, свои обычаи. Мы не таскаем сердца повсюду с собой, а берём только в случае надобности. Сейчас вернёмся к берегу, я быстрёхонько сбегая в свою нору, захвачу сердце — оно спрятано там в укромном местечке — и подарю его Левиафану. Он щедро вознаградит меня, да и вас за усердие и расторопность тоже.

— Ты говоришь дело, — согласились рыбы.

Лисица выскочила на прибрежный песок и принялась кувыркаться от радости.

— Зачем зря терять время? — сказали ей рыбы. — Поторопись, пожалуйста, сбегай за своим сердцем, и мы снова отправимся в путь.

— Глупые! — засмеялась лисица. — Если бы моё сердце не было при мне, как бы я спаслась от вас и от Левиафана?

* По еврейским поверьям сердце — хранилище ума.

В горах Гималайских и в высях Тибетских, на реках Янцзы, Хуанхэ да Сунгари тысячи лет жил китайский народ.

Решил один человек всех китайцев перечесть: с рассвета начал, через сто лет не закончил, дети дело завершали — больше миллиарда насчитали!

Издавна китайский народ делами рук своих славился: китайские шелка королевы да принцессы носили, на коврах китайских вельможи отдыхали, китайской посудой в богатых домах пользовались, а чай китайский и в Перми Великой пили да нахваливали —хорош, мол!

Раньше китайцев в Прикамье не встречали, да времена новые настали. Теперь на земле Пермской и этот народ живёт, и сказки его мудрые.

Как пытали каменную плиту

Китайская сказка

С

ел однажды мудрый Бао-гун в паланкин* и отправился в суд дела вершить. Едет он по улице, смотрит: сидит на каменной плите мальчик, сидит и горько плачет.

Приказал Бао-гун носильщикам остановиться, подозвал мальчика и спрашивает:

— Кто тебя обидел, мальчик? Отчего ты плачешь?

Отвечает мальчик:

— С самого утра торговал я пончиками. Наторговал на двести медяков, деньги положил в корзину. Тут фокусник пришёл, стал фокусы показывать. Сел я на этот камень, стал смотреть. Недолго смотрел. Потом в корзину заглянул, а денег нет.

Сказал так мальчик и ещё горше заплакал.

Выслушал Бао-гун мальчика, брови нахмурил и говорит:

— Деньги лежали в корзине, корзина стояла на камне. Вдруг деньги исчезли. Наверняка каменная плита их украла. Стража! Доставить в ямынь** мальчика и плиту на допрос.

Услышали люди, что Бао-гун каменную плиту допрашивать будет, подивились, скорей к ямыню побежали допрос послушать.

Сел Бао-гун на судейское место, допрос начал:

* Паланкин — носилки в форме кресла, на длинных шестах.

** Ямынь — здание суда.

— Признавайся, плита каменная: ты у мальчика деньги украла? Только правду говори, не то я велю тебя бить и пытаться.

Но камень он камень и есть — лежит себе да молчит. Рассвирепел Бао-гун, велел стражникам бить плиту. Подняли стражники палки, принялись камень колотить. Бьют, колотят, щепки от палок во все стороны летят. Не стерпели тут люди, захохотали, да так громко, что и не слышно, как палки о камень бьют. Только Бао-гун не смеётся, в дощечки стучит, чтоб народ утихомирить, и говорит:

— Вы что, порядка не знаете? Не умеете себя в ямыне вести? Стража! Запереть двери, никого не выпускать!

Видят люди: рассердился Бао-гун, — упали на колени, о пощаде молят.

Говорит судья:

— Ладно, на этот раз я вас пощажу, только пусть каждый, прежде чем домой идти, монетку даст. Тогда отпущу вас с миром.

Приказал Бао-гун стражникам притащить большой чан с водой, посреди зала поставить. Потом каждому велел монетку в чан бросить, сам рядом сидит, смотрит. Одна за другой падают монеты в чан, люди друг за дружкой из зала выходят. Но вот подошёл какой-то человек, монетку в чан бросил. Смотрит Бао-гун: на воде кружочки жира плавают. Как закричит судья:

— Это ты, пёс, у ребёнка деньги украл? Признавайся!

Испугался вор, дрожит весь. Приказал Бао-гун обыскать вора, нашли у него стражники сто девяносто девять монет, с той монетой, которую он в чан бросил, ровно двести. Отдал Бао-гун все двести монет мальчику, а вора приказал побить и вон выгнать.

Только тут поняли все, зачем понадобилось Бао-гуну каменную плиту допрашивать. С той поры стали люди пуще прежнего мудрого судью почитать.

Сидит в лесу леший,
Спину себе чешет.
Рядом — медведь,
Собрался пореветь.
На ёлке — сорока-птица,
Вот-вот раскричится.

В таком-то краю и жил издавна коми-пермяцкий народ, да и сейчас там живёт: лес валит, зверя ловит, рыбу удит, грибы-ягоды собирает — ни дня не скучает.

В Прикамье коми-пермяков больше ста тысяч: в жару и в стужу живут не тужат, никогда не унывают — сегодня не повезло, так завтра случится: прилетит чудо-птица, крыльями помашет и свалится счастье с небес!

Чудь, да Парма, да Кудым-Ош... Начнёшь сказки коми-пермяцкие считать — долго не сочтёшь. А сказки у коми-пермяков какие? Да про край родной, лесные!

Как заяц Епу-охотника проучил

Коми-пермяцкая сказка

Ж

ил-был охотник Епа: среди людей толкался да всё старался разбогатеть. Так они бедно с женой жили, что раз в неделю обедали, а об ужине и не вспоминали. Всей одежды на них — одна на двоих: если Епа оденется, Епиха на печке сидит; если Епиха в люди выйдет, Епа дома сидит.

Всю жизнь Епа лес мерил, чащу кроил, лапти и одежду переводил. Удастся — куницу возьмёт или рябчика подстрелит; не удастся — зря ноги помнёт.

Взял однажды Епа ружьишко своё да и подался в осинник на зайцев. Весь день бродил, ногам покоя не давал, но зря: и мышь не встретил. Не повезло, значит. А не повезёт, так и с харчами с голоду пропадёшь.

Только повернул лыжи обратно — на него заяц налетел, чуть лбами не стукнулись.

Вскинул Епа ружьишко, взвёл курок и уже на прицел зайца взял, а тот вдруг говорит:

— Не спеши, Епа! Убить всегда успеешь, а доброго совета не всегда услышишь.

У Епы глаза на лоб: до старости дожил, а чтобы косые людей учили — сроду не слыхивал.

Длинноухий тем временем сел на пенёк, нога на ногу, и опять говорит:

— Когда убьёшь меня, делай так. Сними остороженько шкуру, высуши её и купцу продай. На вырученные деньги козлёнка купи. Вырастет — двух козлят принесёт...

Слушает Епа, рот раскрыл и уши развесил, а ружьишко дулом в снег воткнул. «Вот где, — думает, — счастье-то привалило: и молочко будет, и деньжат заработаю».

А косой, будто у тёщи в гостях, сидит спокойно и продолжает:

— Купишь поросёнка, свинью вырастишь. Свинья опоросится — продай поросят купцу, купи тёлку. Вырастет тёлочка, коровой станет, бычка тебе принесёт. Откормишь бычка и на лошадку поменяешь...

Вскружилась Епина голова от такого богатства, не до зайца стало. Совсем наяву видит Епа, как он на сивом в яблоках рысаке гарцует! На пригорке собственный двухэтажный дом стоит. Заходит Епа в горницу, жена тёплую хмельную брагу подаёт, на стол тарелку с мясным супом ставит, режет большую пшеничную ковригу. Привёз Епа дорогие подарки своей хозяйке — кумачовую кофту и сарафан из синего кашемира...

— Ладно, — сказал Епа, — уже пристрелю зайчишку...

Глядь, а перед ним только пенёк торчит, на котором длинноухий сидел.

Ускакал заяц в лес и всё богатство Епы с собой унёс.

Прилетел сарчик. «Весна!» — кричит. Сарчик — чья такая птица? Да коми-язьвинцев! Так они трясогузку называют и верят, что приносит она не только весну, но и счастье.

Невелик этот народ: по всей Земле пройди, две тысячи человек только и встретишь, да и те все — на Пермской земле!

Говорят про коми-язьвинцев так: «Живут на реке Язьве люди добрые, к гостям радушные. Свой язык не забывают, праздник «Сарчик тулыс ваетис» по весне встречают. В лесу у них Леший с Оборенихой заправляют, по-над лесом — солнышко».

А ещё говорят, будто сказки у коми-язьвинцев живут везде: и в чаще лесной, и в деревенской избе. На любом месте сказки рождаются: рассказываются да не забываются!

Сучок-Сусачок

Коми-язьвинская сказка

или-были муж да жена.

Хорошо жили, богато, да что с богатства, если не было у них ни сына, ни дочери.

Однажды пошёл хозяин дрова рубить. Взял пилу, топор, рукавицы для работы и обед. Пришёл в лес, начал пилить да сучки обрубать. И случайно отрубил себе палец. Пока тряпками заматывал обрубленную руку, кто-то запищал на земле. Оглянулся мужик — никого нет. А тоненький голос снова раздался: «Я здесь, я здесь...» Смотрит мужик — а среди сучьев мальчик лежит, похож то ли на пальчик, то ли на сучок. Взял мужик бережно мальчика на руки, завернул в рукавицу и быстрёхонько домой побежал, даже про больную руку забыл. Ещё с порога кричит жене: «Смотри, смотри, какое я сегодня чудо нашёл! Обрубил палец, а вместо него появился мальчик. Да такой пригожий, такой крепенький, только очень маленький. Это сучок-Сусачок». Так они его и звать стали.

Взялись они его нянчить: завернули в тёплые тряпки, напоили молочком, да и уложили в тепло, на печку русскую. А Сусачок растёт не по дням, а по часам. Не успела хозяйка приготовить ему одежонку, а он уже с печки спрыгнул и говорит: «Мама, тятя, я есть хочу». Радуются муж с женой, что Бог

послал им дитяточку. Вырос мальчик, родителям помогать стал.

Как-то раз родители собрались в город за покупками, а Сусачку наказывают: «Из дому не ходи, а то унесут тебя большие птицы». Уехали мать с отцом, а Сусачок всю работу сделал, на улицу вышел, сидит, ждёт родителей с подарками.

Вдруг небо потемнело, налетели чёрные птицы, схватили Сусачка и унесли. Долго летели птицы, а потом устали и сели на траву. Сидит Сусачок на траве и не знает, где дом. В это время прогуливалась по лесу Оборениха* — высокая, худая, волосы длинные. Учужала она человека, подбежала к Сусачку, схватила и утащила в своё домище-логово. Стала она Сусачка своим премудростям учить: как людей в лес заманивать.

Ушла однажды Оборениха по своим делам, а Сусачок выскочил в окно и залез на большую ёлку, чтобы посмотреть дорогу домой. В это время Оборениха вернулась, а мальчика нет. Стала искать, вихри кружить. По запаху учужала, что Сусачок на дереве, а достать его не может. Кружит вокруг дерева, грызёт его, вот уже скоро дерево повалит. Сусачок сидит на дереве, весь дрожит, с жизнью прощается, тятю с мамой вспоминает.

Вдруг откуда ни возьмись прилетели гуси-лебеди, белые, величавые, посадили Сусачка на крылья и понесли к деревне, где его родители жили. Покружили над домами и посадили Сусачка на лавочку, откуда его чёрные птицы-вороны утащили.

Увидели родители Сусачка, обрадовались, стали целовать, обнимать, но и пожурили немного, а потом показали гостинцы да обновы, что из города привезли. А Сусачок с тех пор всегда родителей слушает и один никуда не уходит.

* Оборениха — так коми-язьвинцы называют Бабу Ягу.

Наша сказка начнётся
Там, где море Жёлтым зовётся.
Там реки Кымган, Тэдонган,
Гора Чирисан, Пэктусан-вулкан.

Две тысячи лет корейскому народу, а может, и больше. Рыбаки да крестьяне — народ трудолюбивый. Ну, а если кто когда и ленился, тот за лень свою давно поплатился. Про то и сказка есть.

Сказка эта через горы да пустыни, через века да народы до земли Пермской добралась, лет сто назад вместе со сказителями, корейцами то есть, на Урале поселилась. Тех, кто её рассказать по-корейски сможет, в Пермской области триста человек. Семейства Ким, Пак, Цай... Теперь эти фамилии пермскими считаются, ведь со сказками принёс корейский народ в Прикамье и то, что всегда на земле ценилось: усердие в делах да искренность в чувствах.

Просяное дерево

Корейская сказка

Один крестьянин посеял просо, да заболел. Прошла весна, подходило к концу лето. Другие крестьяне уже два раза пропололи просо, а он всё не мог встать с постели. Наконец крестьянин поправился. Пришёл он на поле и видит: сорная трава кругом, только посреди поля маленький, слабенький росток проса пробивается. Заплакал крестьянин: «Что мне делать? Как же я прокормлюсь зимой?» Вдруг откуда ни возьмись старичок с длинной бородой и палкой в руке:

— Ты что плачешь, крестьянин?

— Посмотри на моё поле — и ты всё поймёшь.

— Вижу, твоё поле очень запущено, — сказал старичок, — сорняки такие, что в них могут прятаться тигры. А ты не унывай! Ухаживай за единственным ростком. Может быть, и урожай соберёшь.

Послушался совета крестьянин, стал заботливо ухаживать за ростком, поливал его, окучивал, вырвал все сорняки.

Наступило время собирать урожай. Взял крестьянин маленький мешочек и пошёл в поле.

Видит: вместо слабенького росточка стоит на поле огромное дерево, и зёрен на нём видимо-невидимо, а под деревом старичок стоит.

— Собирай, крестьянин, свой урожай!

Ударил палкой по дереву — и просо дождём посыпалось, толстым слоем покрыло землю.

Обрадовался крестьянин, собрал просо, всю зиму жил припеваючи, а потом всё лето лежал на циновке, раскуривая трубку.

— Пусть другие гнут спину, а я счастливый, мне старичок поможет, — говорил он крестьянам. Те лишь головами качали.

Осенью пришёл крестьянин в поле. Навстречу ему старичок:

— Что-то тебя давно не видно было. Сам знаешь: летом один день гуляешь — зимой десять дней голодаешь. А может быть, ты болел? Почему не трудился?

— Вот ещё, — удивился крестьянин. — Зачем я должен работать, как другие? Чего проще: ты превратишь росток проса в дерево, а я отвезу урожай домой.

— Хорошо, — согласился старичок.

Ударил палкой — выросло огромное дерево; ударил палкой по дереву — посыпалось просо.

— Ещё! Ещё! — кричал крестьянин, пока зерно не засыпало его по горло. Выбрался с поля — и бегом в деревню.

— Вот какой я счастливый! Ваше просо чуть от земли поднялось, а на моём поле целое дерево выросло, — хвастался он. — Берите чиге*, помогайте мне урожай собирать.

Вся деревня побежала смотреть на чудо — на просяное дерево. Прибежали и видят: никакого дерева и в помине нет, а на поле целая гора песка.

— Вот так урожай! Вот так счастливый! — смеялась вся деревня над ленивым и хвастливым крестьянином.

* Чиге — приспособление для переноса тяжестей.

В густом-прегустом лесу, тайге значит, стояли как-то Ильюша с Андриюшей. Вроде деревянные оба, а на деле — самые настоящие... боги!

Зачем в тайге стояли? Народ таёжный, лесной от бед всяких охраняли. Народ манси. Они сами тех богов и делали, сами и имена им давали.

Века тому назад много манси на земле Пермской было — сейчас и тридцати человек не наберётся. Тех же, кто с богами разговаривать умеет по-своему, на языке манси, и того меньше: пальцев на руках хватит, чтобы всех перечесть!

Жизнь в тайге не сахар, не мёд. То торев, медведь то есть, в гости забредёт, то другой какой зверь дикий. Научились манси охотиться и язык зверей понимать. С оленями подружились, с лосями. Сказку манси почитаете — узнаете про то сами. А ежели с рассказчиком встретиться захотите — милости просим, в тайгу заходите!

Ос емас улум! До свидания, значит, до встречи!

Отчего у зайца длинные уши

Мансийская сказка

К

огда появились в лесу звери, был у них самым старшим Большой лось. Однажды лось с женой своей на лесной полянке разговаривал. Заяц мимо бежал, разговор их услышал, остановился. Думает: «Послушаю-ка я, о чём они говорят».

Подкрался поближе, спрятался за пенёк, слушает.

— Вот, — говорит Большой лось, — есть у меня рога, которые должен я раздать зверям. Но зверей много, а рогов мало. Кому же дать их?

Слушает заяц и думает: «А неплохо бы и мне рога получить. Чем я хуже других?»

— Кому вот эти рога дать? — спрашивает лось жену. Только заяц хотел рот открыть, попросить, а лосиха уже отвечает:

— Эти оленю отдай. Он нам родственник, нельзя ему не дать.

— Ну, хорошо, — говорит лось. — А вот эти, большие, кому? — Только хотела лосиха ответить, а заяц не вытерпел, высунулся из-за пенька и закричал:

— Эти мне, зайцу, дай, Большой лось!

— Что ты, братец, — говорит лось. — Куда тебе такие рога? Что ты с ними будешь делать?

— Как куда! Мне рога очень нужны, — говорит заяц. — Я всех врагов своих в страхе буду держать, все будут меня бояться.

— Ну что ж, бери! — сказал лось и дал зайцу рога.

Обрадовался заяц, запрыгал, заплясал, и тут с кедра большая шишка прямо на голову ему свалилась. Как подскочит заяц от испуга — и ну бежать! Да не тут-то было! Запутался рогами в кустах, выпутаться не может и визжит со страху.

А лось с лосихой хохочут, заливаются.

— Нет, брат, — говорит лось. — Ты, я вижу, трусишка, а трусу самые длинные рога не помогут. Получай-ка ты лучше длинные уши. Пускай все знают, что ты подслушивать любишь.

Так и остался заяц без рогов, а уши у него выросли длинные-предлинные.

В нашем краю кого только не встретишь, с кем только не породнишься!

Вот марийцев взять. Четыреста лет как рядышком с остальными народами пермскими живут: хлеб едят, воду из реки Сылвы пьют, богам молятся.

Говорят, раньше у марийцев сто с лишним богов делами заправляли: Куго Юмо, Тунго Пуюршо Юмо, Мир Юмо, Каго Юмо, Шукчо, Киамат... Каждому подарок надо было дать, про каждого знать-рассказать, не то обидятся, нашлют злых духов на деревню!

Тут надо сказать-не соврать — многие марийцы из шести-то с половиной тысяч, что пермскими считаются, по-старому живут: на родном языке говорят, праздники древние празднуют. Ну, а что за праздник без наряда? Рукодельницы в марийских деревнях жили отменные, платья бисером расшивали — царице одеть не стыдно! Так платья эти по сто лет и больше хранятся, от бабушек внукам передаются.

А как пройдет праздник, брался марийский народ опять за дело. Без дела у марийцев только заяц бегал. Да и то в сказке. Сами поглядите!

Кто всех сильнее?

Марийская сказка

Б

ежал заяц по льду, поскользнулся, упал и ушибся. Поднялся кое-как и спрашивает у льда:

— Скажи, лёд, наверно, ты сильнее всех на свете?

— Я, — важно ответил лёд.

Заяц подумал немного и говорит:

— Если бы ты был всех сильнее, не таял бы от солнечных лучей. Наверно, всех сильнее солнце.

Побежал заяц к солнцу и спрашивает:

— Солнце, ты сильнее всех на свете?

— Я всех сильнее, — отвечает солнце.

Заяц подумал немного и говорит:

— Если бы ты было всех сильнее, не пряталось бы за тучу.

Наверно, туча всех сильнее.

Побежал заяц к туче. Прибежал, спрашивает:

— Туча, ты всех сильнее?

— Я всех сильнее, — отвечает туча.

Заяц подумал немного и говорит:

— Если бы ты была сильнее всех, то не стала бы летать туда, куда ветер подует. Наверно, всех сильнее ветер.

Побежал заяц к ветру.

— Ветер, ты сильнее всех?

— Я сильнее всех, — отвечает ветер.

Заяц подумал немного и говорит:

— Если бы ты был сильнее всех, то сдвинул бы с места большую гору. Наверно, всех сильнее гора.

Побежал заяц к большой горе.

— Большая гора, ты всех сильнее?

— Я всех сильнее, — отвечает большая гора.

Заяц подумал немного и говорит:

— Если бы ты была всех сильнее, то не рыла бы мышка в тебе свои норки. Наверно, всех сильнее мышка.

Побежал заяц к мышке.

— Мышка, ты всех сильнее?

— Я всех сильнее, — отвечает мышка.

Заяц подумал немного и говорит:

— Если бы ты была всех сильнее, то не бегала бы от собаки.

Наверно, всех сильнее собака.

Побежал заяц к собаке.

— Собака, ты всех сильнее?

— Я всех сильнее, — отвечает собака.

— Если бы ты была всех сильнее, то не боялась бы хозяина.

Наверно, всех сильнее твой хозяин — человек, — говорит заяц.

Прибежал заяц к хозяину. Прибежал, а хозяина дома нет.

Только хозяйская дочка в избе блины печёт. Заяц спрашивает:

— Скажи, хозяйская дочка, кто сильнее всех на свете?

— Сейчас узнаешь, — ответила хозяйская дочка.

Схватила она закопчённую кочергу, ударила зайца по ушам, потом помелом, которым золу подметала, по всему зайцу прошлась.

Вот с тех самых пор и стал заяц серым, а кончики ушей у него — чёрные. И кто самый сильный — теперь он знает.

Росли в странах европейских стены каменные — и города строились; падали наземь деревья — дороги ширились. Жили в тех городах люди, по дорогам ходили — до России-матушки добрались.

— О! — В России гостям обрадовались. — Кто такие, иноземцы?

А в ответ:

— Я-я, немцы!

С давних пор на Урале народ немецкий знают. Пётр I ещё приглашал, да и другие цари жаловали. По тем временам грамотнее немцев и не сыскать было: инженеры да строители в Россию поехали, купцы разные, врачи да прочий-такой народ.

Теперь в Пермской области более пятнадцати тысяч немцев живёт, коренными уральцами стали. Прямые, честны да добросердечны. За то и хранят пермяки в памяти имена иноземцев многих. Тех, которых уральцами кличут. Врача Граля, например, губернатора Модераха...

Что до сказок немецких, то в них мечта и искренность, простота и тайна в одно сплелись.

Лесная старуха

Немецкая сказка

Р

аз проезжала одна бедная служанка со своими господами через дремучий лес; и вот, когда они находились в самой его середине, выскочили вдруг из лесной чащи разбойники и поубивали всех, кого удалось им схватить. Погибли все, только одна служанка успела выскочить со страху из кареты и спрятаться за большим деревом.

Разбойники поделили свою добычу и ушли, а она вышла из-за дерева и увидала, какое ужасное несчастье случилось с её господами.

Заплакала она горькими слезами:

— Что же мне теперь, бедной, делать? Не знаю я, как мне из лесу выбраться: ведь тут ни одной живой души не найти. Видно, придётся мне с голоду пропадать.

Вот пошла она искать дорогу, но найти её не могла, а между тем уже за вечерело. Села она под деревом, отдав себя на волю Господню, и решила так здесь сидеть и никуда не уходить, что бы там ни случилось.

Вот сидит она, и вдруг прилетает к ней белый голубок, держа в клюве маленький золотой ключик. Положил он ей ключик в руку и молвил:

— Видишь, вон стоит большое дерево, в нём есть замочек,

ты отомкни его этим ключиком и найдёшь там много всякой еды, не придётся тебе тогда голодать.

Подошла девушка к дереву, открыла его тем ключиком и нашла в маленькой мисочке молоко и белый хлеб; крошила она его в молоко, поела и попила, наелась досыта и говорит:

— Время уже такое, что и куры на насест садятся, а я утомилась, вот пора бы и мне тоже лечь в свою постель.

И прилетел снова белый голубок, принёс в клюве второй золотой ключик и молвил:

— Отомкни вон то дерево, найдёшь ты в нём себе постель.

Отомкнула она дерево и нашла хорошую мягкую постельку. Помолилась она Богу, чтоб охранял он её в ночи, легла и уснула. Прилетает наутро в третий раз голубок, приносит ей снова ключик и говорит:

— Отомкни вон то дерево, и найдёшь ты в нём платья.

Отомкнула она дерево и нашла в нём шитые золотом и украшенные драгоценными камнями платья, каких не найти ни у одной королевны.

Так и жила она до поры до времени, и прилетал всякий день голубок и доставлял ей всё, что было ей надо; и была то тихая и хорошая жизнь.

Но прилетел раз голубок и спрашивает:

— Согласна ли ты оказать мне одну услугу?

— Да, я охотно тебе услужу, — ответила девушка.

И молвил тогда голубок:

— Я приведу тебя к небольшой избушке, ты войдёшь в неё и увидишь там у очага старуху; она скажет тебе «здравствуй», но ты ей не отвечай, что бы она ни делала; по правую руку от неё будет дверь, ты открой её и войди в комнату; будет лежать

там множество разных колец, и будут среди них великолепные кольца с блестящими камнями, но ты их не трогай, а выбери себе самое простое и принеси его мне как можно скорее.

Девушка согласилась. Повёл тогда её голубок к избушке. Летит он по лесу, а девушка следом идёт. Добрались наконец.

Подошла девушка к двери, видит: сидит старуха. Взглянула старуха на девушку и говорит:

— Здравствуй, дитя моё.

Но та ей ничего не ответила и прямо пошла к двери.

— Ты куда? — крикнула старуха, схватила её за юбку и хотела было удержать. — Это мой дом, сюда против моей воли никто входить не смеет.

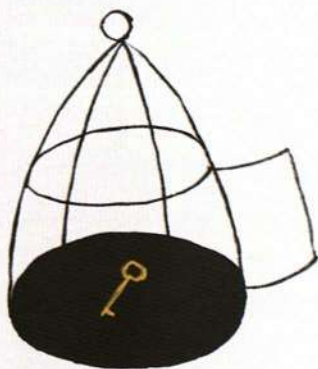
Но девушка, не сказав ни слова, вырвалась от неё и пошла прямо в комнату. И лежало там на столе великое множество разных колец, они сияли и сверкали, много среди них было с прекрасными драгоценными камнями. Стала девушка рыться в грудe колец, ища самое простое, о котором говорил ей голубок, но такого она найти никак не могла. Вот ищет она кольцо и вдруг замечает, что старуха уходит, крадучись, из комнаты, держа в руках птичью клетку. Подошла тогда девушка к ней, взяла у неё из рук клетку, подняла её, посмотрела и видит: сидит в ней птица и держит в клюве простое кольцо. Взяла девушка то кольцо, обрадовалась, бросилась из избушки бежать, думая, что вот-вот прилетит за кольцом белый голубок. Но он всё не прилетал. Прислонилась тогда девушка к дереву и стала белого голубка дожидаться. Вот стоит она у дерева, и становится оно вдруг гибким и склоняет вниз свои ветки.

— Надень кольцо на ветку, — вдруг услышала девушка знакомый голос.

Посмотрела вокруг — нигде нет белого голубка. Надела она кольцо на ветку, и вдруг обвились ветки вокруг неё, и стали они руками; оглянулась она, видит: обратилось дерево в прекрасного юношу. Обнял он её, нежно целуя, и сказал:

— Ты освободила меня от заклятья и власти старухи, злой ведьмы. Она обратила меня в дерево, но каждый день я бывал по несколько часов белым голубем, и пока кольцо, которое ты принесла мне, было у неё, я не мог вернуть свой человеческий облик.

Освободились тут от злого заклятья и его слуги, и кони, что были тоже обращены в деревья, и стояли они теперь рядом с девушкой. А прекрасный юноша надел ей волшебное кольцо на палец и посадил на самого красивого коня. Затем поехали они к нему в королевство — ведь был тот юноша королевичем, — поженились и стали жить-поживать припеваючи.

Шёл поляк по белу свету, говорил что-то. Услышали его чех да словак — поняли. Послушали его украинец с белорусом — догадались, о чём речь идёт. Повстречал поляка русский — в ответ заговорил. Одни корни у разных народов, одни беды были, да и радости схожие.

По всему миру поляков около пятидесяти миллионов будет. В Пермской области — чуть больше тысячи человек.

Давненько уж, лет сто пятьдесят тому назад, поляки на Урале поселились; не по своей воле сюда пришли, да по собственной остались. Первый книжный магазин в Перми благодаря поляку открылся. Городской театр поляк строил. Первым, кто за чистоту рек да лесов пермских ратовал, тоже поляк был. Имена их пермяки помнят: Пиотровский, Кармовский, Воропай.

А сказки у поляков с русскими схожие; на земле народ польский трудился, о счастье мечтал, да и заслужил своё счастье!

Как батрак стал хозяином

Польская сказка

ил один бедняк, и звали его Матей. Был он батраком и с утра до вечера надрывался на работе, как скотина какая-нибудь, а в кармане у него всё равно было пусто. Вот однажды колол он дрова и увидел красну девицу. Шла она мимо, остановилась и смотрит на батрака, а потом вдруг говорит:

— Хочешь быть моим мужем?

Батрак удивился и подумал: «Да разве такая красавица пойдёт за меня, бедняка и оборванца!»

— Подумай, Матей, и скажи: хочешь взять меня в жёны?

Батрак посмотрел на неё недоверчиво и говорит:

— Что ж, я не против, коли ты меня за нос не водишь.

— Ладно, Матей, считай, что с сегодняшнего дня мы с тобой помолвлены.

Красна девица пошла в деревню, сняла дом, накупила всякой всячины — словом, всё хозяйство на ноги поставила. Матей пришёл к ней в гости, смотрит на красну девицу, а она до того хороша, ну просто картинка. Так она ему понравилась, что в пору хоть сразу же и под венец идти. Только вот беда, ни гроша у Матея не было.

— Ты чего вздыхаешь? — удивилась девица.

Принялась она его расспрашивать, пока он не признался в своей беде. Тогда дала она ему денег, чтобы он приделся на свадьбу, и велела пригласить всю деревню.

— Только хозяина своего из замка не приглашай, а то не миновать тебе беды, — сказала она ему.

Накупила девица всего вдосталь, наварила, нажарила, столы приготовила. Поехали венчаться, а потом всех созвали на пир, только хозяина не позвали. Тут и начал Матей жену уговаривать хозяина позвать.

— Ведь у нас всего полно, что за беда, если и его пригласим?

— Коли хочешь, — говорит ему жена, — позови. Только помни: не миновать тебе беды.

Вот позвали они хозяина, усадили в особой светёлке и принялись его потчевать всем самым лучшим. А хозяин глянул на жену Матея и глаз не мог отвести — так она ему понравилась. Даже есть не мог. А когда пир кончился, хозяин позвал своего управляющего и стал держать с ним совет, как избавиться от Матея и заполучить его жену. Управляющий и говорит хозяину:

— Прикажете ему вспахать большое пастбище за один-единственный день.

Хозяин призвал к себе Матея и говорит:

— Слушай, Матей, или ты вспашешь большое пастбище за один день, или не сносить тебе головы.

Матей опечалился, слезами залился. Пришёл к жене с плачем, а она его и спрашивает:

— Отчего ты плачешь, Матей?

— Как же мне не плакать, когда хозяин приказал мне вспа-

хоть огромное пастбище за один-единственный день! А коли не вспашу — не сносить мне головы.

— Вот видишь, говорила я тебе: не зови хозяина, а то не миновать тебе беды. Только ты меня не послушался. Ну да не печалься: всё хорошо кончится. Возьми плуг и вспаши одну только полоску, от межи да вокруг всего пастбища.

Матей сделал всё, как жена велела. Только успел он одну полоску вспахать, как вдруг всё пастбище с кочками да ямами оказалось вспахано и приглажено, точно стол. Ещё и не стемнело, а Матей уже домой воротился с песнями да с посвистом. Управляющий удивился:

— Что за чёрт! Отчего это Матей не пашет?

Пошёл он, посмотрел на пастбище, а оно ровное, точно стол, до того хорошо вспахано. Немедля донёс он об этом хозяину. Хозяин рассердился:

— Хорошо же ты мне посоветовал, где же я теперь моих овец пасти буду?

— Об этом не беспокойтесь. Прикажете ему лес за один день вырубить.

— Позвать сюда Матея!

Матей пришёл, а хозяин ему говорит:

— Слушай меня внимательно: завтра вырубись мне весь лес, а не то не сносить тебе головы.

Матей опечалился и пошёл со слезами домой.

— Отчего ты плачешь, Матей? — спрашивает его жена.

— Как же мне не плакать: хозяин приказал мне завтра весь лес вырубить. А не сумею — не сносить мне головы.

— Вот видишь, надо было меня слушаться и не звать хозяина на свадьбу. Ну ладно, как-нибудь переживём. Бери топор и

беги в лес. Только вглубь не ходи, начинай рубить с краю.

Матей сделал всё, как жена велела. Только он ударил по стволу — а дерево уже на земле лежит. Солнце ещё высоко стояло, а весь лес с землёй сравнялся. Матей пошёл и доложил хозяину, что работа выполнена. Хозяин рвал на себе волосы и ругал на чём свет стоит управляющего за то, что тот ему такой глупый совет дал.

— Потерпите ещё немного, — успокаивал его управляющий. — Скоро мы от него избавимся. Перед именем озеро раскинулось. Прикажите Матею воду из него выпустить, да только за один день.

— Позвать сюда Матея! — приказал хозяин.

Матей пришёл, а хозяин ему и говорит:

— Придётся тебе за один день озеро высушить. А не сумеешь — не сносить тебе головы.

Матей голову повесил и пошёл с плачем домой. Жена увидела его и спрашивает:

— Отчего плачешь, муж?

— Как мне не плакать: хозяин приказал мне за один день озеро высушить. А не сумею — не сносить мне головы.

— Коли не позвал бы ты хозяина на свадьбу — и беды бы никакой не было. Ну да не печалься, что-нибудь придумаем. Иди к озеру, ляг на берег и с места не сходи, даже если кто-нибудь будет тебя оттаскивать или бить.

Матей сделал всё, как жена велела. Прислушался он: вода так и клокочет, вытекает куда-то, а куда — не ясно. Как увидел это управляющий, пришёл за Матеем, принялся его звать и толкать, но Матей и с места не сдвинулся. Вскоре пришёл сам хозяин. Увидел, что вода из озера словно испаряется, а вскоре и

совсем испарится. Принялся он Матея просить, чтобы тот перестал, обещал ему всё, что ни пожелает, лишь бы ушёл отсюда подальше. Но Матей лежал, будто и не слышал ничего. Между тем вода из озера исчезла, а дно высохло. Хозяин разгневался на управляющего, что тот столько вреда натворил, а от Матея не помог избавиться. А управляющий и посоветовал хозяину:

— Устройте большой праздник и созовите гостей. А Матею прикажите на скрипке играть. Ведь этот простака никогда в жизни настоящий бал не видел, играть не умеет, да небось и скрипку держать не сможет.

— Позвать сюда Матея! — приказал хозяин.

Позвали Матея в замок, хозяин ему и говорит:

— Собираюсь я бал устроить. А на том балу ты будешь на скрипке играть, чтобы гости потанцевать могли. А не сумеешь — не сносить тебе головы.

Матей опечалился, потому что никогда в жизни скрипку в руках не держал. Заплакал он и пошёл домой. Дома его жена спрашивает:

— Что с тобой, мой милый муженёк?

— Ах, как же мне не плакать, раз хозяин приказал мне на балу на скрипке играть. И ещё пригрозил, что, ежели не сумею, не сносить мне головы. А я скрипки сроду в руках не держал.

— Говорила я тебе, Матей: не зови хозяина на свадьбу, а не то быть беде. Ну да что было, то было. Как ни трудно, но и на этот раз я тебе помогу. Беги в лес, встань на ель, которую ты первой срубишь, и скачи на ней до тех пор, пока не упадёт на землю скрипка. Хватай её побыстрее и играй, пока сил хватит.

Матей отправился в лес и сделал всё, как жена велела. Скакал он, скакал по еловому стволу, вдруг упала скрипка на

землю. Он её схватил и принялся играть, да так, что все люди в деревне побросали работу и начали слушать. Некоторые даже на крыши вылезли.

На другой день позвали Матея в замок играть на скрипке.

Матей играл точно какой-нибудь учёный музыкант, а господа танцевали. Играл он, играл, господа уже устали, хотели перестать, да не могут. Стали они Матея просить, чтобы он остановился. А тот отказывается и говорит:

— Мне для моего хозяина сил не жалко!

С господ уже пот льёт, молят они его, чтобы играть перестал. Только Матей не слушает. Наконец они так устали, что и говорить уже не могли, а только кивали Матею, чтобы перестал. Но Матей их точно и не видел. Хозяин избу ему пообещал — Матей отказался; тот ему поле сулил — Матей не брал.

— Всё имущество своё тебе отдам, только перестань играть! — взмолился хозяин.

— Ладно, — говорит Матей. — Только сначала придётся договор со мной подписать.

Подал он ему бумагу — хозяин танцует и пишет, пишет и танцует. Подписал он договор, потом свидетели подписали.

Матей взял договор и перестал играть. И сразу же после бала стал Матей хозяином, а хозяин с посохом отправился бродить по свету.

Давным-давно, тысячу лет назад, батюшка-Урал народ русский встречал. Чем встречал? Горами да лесами, землями богатыми, реками чистыми.

Пришёл русский народ в Пермский край не лениться — трудиться, с другими народами дружить, вместе жить.

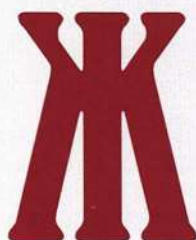
Поначалу деревни, а потом города и заводы народ русский строил — не узнать стало Пермский край. Ну да делу — время, а потех час наступал, ел, пил русский да плясал! Вот тогда и мечталось, чтобы ездил печка да жар-птица, только выйди из избы, садилась на крылечко. Вечерами деды да бабки рассказывали деткам сказки — яркие, как рубах русских краски. Конечно, малость привирали, пока не уставали. А как уставали, по новой начинали!

Прошёл с давних пор не один век. Нынче русских в Пермском крае два с половиной миллиона человек!

Про Бурёнушку

Русская сказка

или-были старик со старухой, и была у них дочка Машенька. Старуха умерла. Взял старик другую жену, да с двумя дочерьми. Мачеха есть мачеха: своих дочерей любила, а Машеньку — нет. Своих дочерей работать не заставляла, всю работу выполняла по дому Машенька: и стирала, и полы мыла, и скотину кормила. Мачехины дочери только гуляли да играли.

Раз пошли они вечеровать к подружкам, и Машенька просится:

— Отпустите, — говорит, — и меня на вечёрки*.

А мачеха отвечает:

— Ладно, иди, только вот я тебе кудели** дам, ты её всю опряди, а потом и играть станешь.

Взяла Машенька эту куделю, а её так много, что и за вечер не спрясть, а поиграть так уж и вовсе времени не останется. Зашла она с этой куделей во двор, а во дворе корова, Бурёнушка. Она, эта Бурёнушка, ещё при родной матери жила и была у Машеньки любимицей. Обняла Машенька Бурёнушку за шею и говорит:

* Вечёрки — посиделки, где девушки и парни веселились: пели и играли.

** Кудель — волокно, из которого прядут льняные нити.

— Бурёнушка, матушка, как мне тяжело жить. Не любит меня мачеха, всё-то меня заставляет делать: я и полы мою, я и стираю, я и варю. А её дочери всё только гуляют да бегают. Она их и на вечерки отпускает, и работушки не даёт, а меня хоть и отпустила, дак столько кудели дала, что мне и за весь вечер не опрядь. А если не опряду, она меня бить будет, ругать будет, больше никуда не отпустит.

Бурёнушка пожалела её и говорит:

— Ладно, Машенька, не плачь, давай куделю, клади мне её в рот, а из уха клубочки мотай.

Машенька так и сделала. Стала корова эту куделю жевать, а из ушей у неё нитки пошли. Стала Машенька их доставать да клубочки мотать. Намотала клубочки, в фартук положила, сняла фартучек с себя, под крылечко спрятала, а сама на вечерки побежала.

И такая была весёлая, со всеми играла и песни пела. А когда стали расходиться, взяла она фартучек с клубочками и принесла домой.

— Вот, — говорит, — я напряла.

Мачеха удивилась:

— Много ты сделала, ладно. Можно тебя и на следующий раз отпустить.

Собрались все опять на вечерки, и Машенька просится:

— Можно и мне сходить?

Мачеха отвечает:

— Иди, только кудель опряди, смотай и холсты вытки. — И дала ей кудели больше прежнего.

Пошла Машенька к Бурёнушке, обняла её за шею, заплакала:

— Бурёнушка, матушка, отпустила меня мачеха погулять, а сама работы дала больше прежнего. Нужно кудель опрясть, смотать и холсты выткать.

А Бурёнушка говорит:

— Не плачь, Машенька, клади мне в рот свою куделю, а из ушей будешь холсты доставать.

Стала Бурёнушка куделю жевать, а из ушей у неё готовые холсты выходят. Машенька эти холсты только складывает. Сложила, под крыльцо спрятала, а сама на вечерки побежала.

На этот раз девушки и парней пригласили. Приглянулась там Машенька одному парню, и стал он её сватать.

— Пойдёшь, — говорит, — за меня замуж?

А Машенька отвечает:

— Меня замуж не отпустят, ведь я в семье всё делаю.

Вернулась Машенька домой, холсты из-под крыльца достала и мачехе отдала. Удивилась мачеха, обрадовалась. На следующий вечер уже сама посылает.

— Иди, — говорит, — веселись, только сделай теперь не простые холсты, а с рисунками.

И кудели дала больше прежнего.

Побежала Машенька к Бурёнушке, а мачеха следит за ней. Следит и видит, что это Бурёнушка ей помогает.

На следующий день говорит мачеха своему старику:

— Давай Бурёнушку зарежем!

Старик и рот раскрыл:

— Ты чё, баба, белены объелась? Как же это мы без Бурёнушки-то жить будем?

Всё же переспорила она старика. Согласился он коро-

ву зарезать. А Машенька услышала, побежала к Бурёнушке, обняла её за шею и говорит:

— Бурёнушка, матушка, тебя зарезать хотят.

А Бурёнушка ей отвечает:

— Не плачь, Машенька, я теперь уж старая, пора бы мне и умирать, всё равно когда-то смерть должна прийти! Пусть меня зарежут, только ты все косточки мои собери в лукошко и под окошечко закопай.

Машенька так и сделала: все мясо едят, а она под столом сидит, косточки собирает. Собрала все косточки в лукошко и тайком от всех под окошечко закопала. А через некоторое время вырос под окном сад, да такой расчудесный, что когда мачеха Машеньку что-нибудь сделать заставляет, она туда бежит — и всё само быстро и легко делается. А как только зайдут в этот сад мачехины дочери, птицы их клевать начинают, а все ветки вверх поднимаются. Мачеха видит, что её дочерей этот сад не любит, и говорит опять старику:

— Давай Машеньку замуж отдадим, пусть она уйдёт, а сад останется моим доченькам. Они сами будут в него ходить и всю работу легко выполнять.

Старик согласился. А тут и жених есть — парень, которому Машенька на вечерках приглянулась.

Сыграли свадьбу. А когда везли их в дом жениха, сад встал и следом пошёл, и где Машенька стала жить, там и сад стал расти под её окнами.

Осталась мачеха со своими дочерьми, и пришлось им выполнять всю работу самим.

Несколько веков татарский народ на Пермской земле живёт.

Татарин — хозяин, просто так жить не станет. Сначала дом постройт, под крышу подведёт. Потом заведёт сад-огород, хозяйство поставит и живёт — род свой славит.

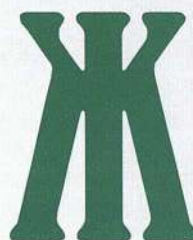
Сто пятьдесят тысяч татар землю Пермскую родной почитают: по будням трудятся, по праздникам веселятся — балиш да чак-чак едят, айран пьют, в верховой езде соревнуются, башкир-родственников да других-прочих на Сабантуй в гости приглашают.

Преданий да сказок у татар не один сарай да амбар: что от предков помнят, что сами придумывают. А сказки татарские, что мастериц работы, — узорчаты да расшиты. Слушаешь — не наслушаешься; глядишь — не нарадуешься. Чудеса, да и только: было тесто, камыр — вырос из теста Камыр-богатырь!

Камыр-батыр

Татарская сказка

или в давние-предавние времена старик со старухой. Хорошо они жили, да вот беда — не было у них детей.

Однажды старуха пекла беляши*, а старик сидел возле неё и смотрел. Потом взял кусок теста и говорит:

— Нет у нас сыночка... Сделаем его себе хоть из теста!

Слепили они из теста мальчика, положили его на лавку, а сами занялись делом: старуха пошла доить корову, старик отправился во двор дрова рубить.

Вернулись они в дом и глазам своим не верят: тестяной мальчик ожил, сидит на полу, смеётся да играет с козлёнком.

— Как же нам назвать нашего сынка?

— Сделали мы его из теста, пусть он и называется Камыр!** — говорит старик.

Стал Камыр расти не по дням, а по часам. За один месяц так вырос, как другой и за целый год не вырастет. Сил у него с каждым днём прибывает, и стали его звать Камыр-батыр***.

Вышел Камыр как-то раз на улицу поиграть, стал бороть-

* Беляши — пирожки с мясом.

** Камыр — тесто.

*** Батыр — богатырь, силач.

ся с мальчишками. Поднял одного и подбросил выше дерева. Упал мальчишка на землю, лежит, подняться не может. Подбежали к Камыру другие ребята, хотели его побороть, да не могли: он всех повалил. Лежат мальчишки на земле, охают.

Собрались жители аула*, пришли к старику жаловаться на Камыра, в один голос твердят:

— Куда хочешь, туда и девай своего сына, только чтобы его в нашем ауле больше не было! Не то он всех наших ребят покалечит!

Нечего делать, пришёл старик домой и говорит Камыру:

— Придётся тебе, сынок, уходить из дому.

— Не горюй, отец! — говорит Камыр. — Пойду я в дальние края, посмотрю, как люди живут. Дай мне только дубинку на дорогу.

Принёс старик дубинку. Камыр опёрся на неё, а дубинка разломилась пополам.

— Не годится эта дубинка, — говорит Камыр. — Поди закажи кузнецу железную дубинку.

Пошёл старик к кузнецу, велел выковать железную дубинку. Испробовал Камыр дубинку и говорит:

— Вот эта хороша: не гнётся, не ломается! Можно теперь с ней и в путь отправляться.

Напекла старуха Камыру лепёшек на дорогу, попрощался он и ушёл из аула.

Шёл он, шёл и дошёл до леса. Идёт по лесной дороге и видит: ковыляет ему навстречу человек, а ноги у этого человека связаны, словно у коня, которого на луг пастись выпустили.

* Аул — деревня.

Удивился Камыр и спрашивает:

— Почему это у тебя ноги связаны? Кто это связал тебя?

— Никто меня не связывал, — отвечает человек, — я сам их связал. Если я сниму с ног ремни, то зашагаю так быстро, что меня даже птица не догонит!

— А куда ты идёшь?

— И сам не знаю, куда иду!

— Пойдём со мной!

Пошли они вдвоём. Шли, шли и повстречали человека. Сидит он на краю дороги, зажимает себе нос пальцами.

— Почему это ты нос зажимаешь? — спрашивает его Камыр.

— Как мне не зажимать нос! — говорит человек. — Стоит мне одну ноздрю чуть приоткрыть — поднимется такой ветер, что во всей округе мельницы начинают крутиться. А уж если обе ноздри открою, беда будет: вся земля закачается!

— Хочешь с нами идти? — спрашивает Камыр.

— Хочу!

Пошли они втроём. Идут по дороге и встречают белобородого старика. На голове у старика шапка надета, и не как у всех, а набекрень: на одном ухе держится.

— Почему ты, бабай*, носишь шапку набекрень? — спрашивает Камыр.

— Мне по-другому носить её нельзя! — говорит старик. — Если я надену шапку на всю голову — поднимется вьюга; а если надвину шапку до бровей — вся земля льдом покроется.

Удивился Камыр и говорит:

* Бабай — дедушка.

— Пойдём с нами!

Пошли они дальше вчетвером и увидели стрелка. Стоит этот стрелок, целится из лука во что-то, а во что — не видно.

— Во что ты целишься? — спрашивает его Камыр.

— Вон на склоне горы, — отвечает стрелок, — за сто вёрст отсюда, на ветке сидит муха. Хочу прострелить ей левый глаз.

Подивился Камыр и взял стрелка с собою.

Пошли они впятером и увидели какого-то старика. Сидит старик на корточках, пересыпает землю с ладони на ладонь.

Спрашивает его Камыр:

— Что ты делаешь, бабай?

— Сюда насыплю, — отвечает старик, — тут гора поднимется; туда насыплю — там гора поднимется!

И этого старика взял Камыр с собою.

Пошли они вшестером и пришли в большой город. Узнал Камыр, что у хана этой страны есть дочка-красавица. Пошёл он со своими товарищами к хану, стал сватать его дочку. А хану не хочется выдавать дочку за неизвестного джигита*. Стал он всякие отговорки придумывать, чтобы от Камыра отделаться.

— Пусть, — говорит, — кто-нибудь из вас обгонит моего скорохода, тогда можно будет и о сватовстве поговорить.

— Что ж, — отвечает Камыр, — мы от этого не откажемся.

Позвал хан своего лучшего скорохода и приказал ему бежать до высокой горы. Помчался скороход изо всех сил.

Тогда бегун Камыра не спеша снял с ног ремни и пустился вдогонку. Он быстро обогнал ханского скорохода, примчался к горе, лёг на траву и стал поджидать, когда скороход прибежит.

* Джигит — парень.

Ждал, ждал да и заснул крепко. Вскоре прибежал скороход к горе и тотчас повернул обратно.

А бегун Камыра всё спит...

Смотрят все: за клубилась на дороге пыль, возвращается ханский скороход!

Забеспокоился Камыр, говорит стрелку:

— Видно, заснул наш бегун! Этак мы и проиграть можем. Стрельни-ка в него, разбуди скорее!

Стрелок снял с плеча лук, прицелился и пустил стрелу. И так метко пустил, что стрела задела только самый кончик уха у спящего бегуна. Проснулся бегун, бросился вперёд и в один миг обогнал ханского скорохода.

Видит хан, что ничего не вышло у него из этой затеи: не смог отделаться от Камыра.

— Хорошо, — говорит, — теперь можно и о сватовстве подумать. А пока сходите вы все в баню да вымойтесь хорошенько!

Не догадался Камыр, что хан задумал их погубить. Пошёл со своими товарищами в чугунную ханскую баню.

Только они вошли в баню, хан приказал запереть её крепко-накрепко и обложить со всех сторон дровами. Наносили ханские слуги дров и подожгли их. Запылали сухие дрова, накалилась баня до красна.

— Теперь они живыми не выйдут! — говорит хан.

Как только в бане стало жарко, Камыр сказал белобородому старику:

— Ну-ка, бабай, надень свою шапку на голову!

Старик надел шапку на макушку — и сразу в бане поднялась вьюга. Но и она не могла баню остудить.

Тогда Камыр попросил старика надвинуть шапку до бровей.

Стены бани тут же остыли и покрылись толстым слоем льда.

Наутро хан приказал отпереть баню, да так и обмер: и Камыр, и все его товарищи остались живы и здоровы.

Подошёл Камыр к хану и сказал:

— Хотел ты нас погубить, да не сумел! Говори мне прямо: отдашь свою дочь за меня или нет?

— Нет, — ответил хан, — по своей воле я за тебя дочь не отдам. Попробуй, коль сумеешь, взять её силой!

Сказал хан эти слова и подал знак своим слугам.

Набросились на Камыра и его товарищей ханские слуги. Началась схватка, и такая жаркая, что под их ногами все кочки сровнялись, а ровная земля взбилась кочками.

Бились они целый день, бились весь вечер, бились целую ночь. Надоело это Камыру. Велел он своему товарищу, который нос зажимал, дунуть посильнее.

Приоткрыл тот ноздрю — поднялся такой ураган, что все ханские слуги взлетели на воздух, как пыль.

Тут старик, пересыпавший землю, сказал:

— Сюда насыплю — тут гора поднимется; туда насыплю — там гора поднимется!

Поднялись две высокие горы и засыпали ханских слуг.

А хан всё не унимается — зовёт своих воинов.

Прибежали воины, кинулись было на Камыра, а он взмахнул своей железной дубинкой и разогнал их всех.

Испугался хан и выдал свою дочь за Камыра-батыра. Посадил Камыр невесту на быстрого коня и увёз к родителям.

Тридцать дней пировали, свадьбу справляли, гостей мясом неродившейся кобылицы угощали! И я на той свадьбе был — мёд из пустого ковша пил.

Ходил месяц дозором по небу: на лес густой-чёрный глядел, с речкой перемигивался.

Солнце красное поутру встало — глянь: а на земле возле реки Буй деревушка стоит! Народ ходит: в поле — пашет, в лесу — охотится.

— Вы кто такие будете? — солнце у народа спросило.

— Удмурты мы, солнце-батюшка! — народ отвечал.

Уже больше трёх веков удмурты на земле Пермской живут. Сейчас их здесь больше тридцати тысяч будет. Живут, язык родной не забывают, обряды старинные помнят: свадьбы играют и в солдаты провожают.

С древних времён молились удмурты богам, живущим в рощах лесных, хранили деревья, что их от бед всяких-разных оберегали, оттого и приметы лесные знают.

Спроси у удмурта — про любого зверя сказку расскажет. Да какую — заслушаешься!

Как кошка оказалась с человеком

Удмуртская сказка

К

огда-то давным-давно кошка, как и все звери, жила в лесу и не знала человека. Одной ей жить не нравилось, потому что она любила поиграть и поласкаться. Увидела она однажды, как белка весело скачет с ветки на ветку, и говорит:

— Возьми меня, белка, с собой жить!

— А грибы и орехи не будешь у меня отнимать?

— Не буду. Я с бельчатами играть буду, а по ночам возле твоих кладовок стану мышей ловить.

Согласилась белка, взяла кошку к себе. Так и зажили они вместе: белка орехи и грибы собирает, кошка с бельчатами играет и мышей ловит. Жили они так, жили, но только стала белка покрикивать на кошку, а кошка, как известно, гордая, уступать не любит. Ну и пошло: что ни день — то ссора, что ни вечер — другая. Ссорились, ссорились, пока до драки не дошло. Тут как раз охотник без собаки мимо проходил. Посмотрел он на них и говорит:

— Идёмте-ка ко мне жить! Я каждой из вас определю своё занятие. Тогда вам ни ссориться, ни драться не захочется.

Белка махнула хвостом, перескочила повыше на ёлку и отвечает:

— И не подумаю! Мне и в лесу хорошо.

— Что ж, неволить не стану, но только знай, что если останешься в лесу, то буду я, человек, стрелять вас, белок, как рябчиков.

— Буду знать. Зато я здесь сама себе хозяйка! — сказала белка и скрылась.

Кошка заиграла хвостом, заластилась, замаякала, замурлыкала:

— Возьми, человек, возьми меня с собой! Не хочу в диком лесу жить, не хочу лесных мышей ловить!

— Ишь, какая ты ласковая! — ответил мужик. — Как такую не взять. Сделаю тебя князем и судьёй над мышами и крысами.

Белка так и осталась там, где жила, а кошка пошла за охотником.

Шла, шла — замаякала, на плечи к охотнику запросилась, да так ласково, что тот сразу исполнил её желание и понёс её себе в дом.

Увидела собака лесную живность, которая оседлала её хозяина, и глазам своим не поверила — ну лаять, ну рычать. А кошка прямо на плече хозяина спину дугой выгнула и зафыркала. Собака долго успокоиться не могла и после того, как хозяин за дверью скрылся вместе с кошкой.

С того и повелось на земле, что у собаки с кошкой миру и ладу не хватает.

И кошки с той-то поры живут с человеком, в его доме. А белок охотники стреляют, как рябчиков.

От реки-Днепра
Дорога до Камы-реки далека.
На Днестре арбузы да виноград,
На Каме картофелю с морковью рад!

Не одна тысяча лет древнему славянскому роду —
Украинскому народу.
И вроде на Украине хорошо,
А и на Пермской земле жить неплохо!

Если всех украинцев в Пермской области
сосчитать,
Наберётся их тысяч сорок пять:
Весёлые хлопцы да гарные дивчины, —
Даже в беде не знают кручины.
За что ни берутся, всё — весело,
А иначе и делать нечего!
С шуткой-прибауткой жизнь краше!

Озорные шутки деда Егория

Украинская сказка

ед Егорий был себе на уме, а ума у него было столько, сколько у всего царского совета. А ещё были у него колесо от телеги да старая коза. И ничего больше. Колесо-то поломалось, а коза доиться перестала. Сжѣг дед колесо, согрелся и пошѣл козу продавать.

Только кто же купит старую козу, что доиться перестала? Дед дешёво козу продавал, да её и задаром никто не хотел. Взял дед козу и пошѣл с ней обратно домой. Шѣл, шѣл лесом и встретил на дороге карету. А в той карете сидел барин из соседнего именья.

— Куда, дед, козу тащишь? — спрашивает он.

— Да вот, дорогой ты наш барин, иду волков ловить.

— Да разве коза волков ловит?

— Эта коза ловит, потому как она у меня обученная.

— Продай мне свою козу, дед.

— Нет, барин, ведь эта коза меня и поит и кормит.

— Я тебе сто рублей дам.

— Мало! Продам за двести!

— А правда, что твоя коза волка победить может?

— Может. Она ещё и второго подождѣт, чтобы разом съестъ.

Барин заплатил двести рублей, и дед Егорий пошѣл своей дорогой.

А барин тут же и порешил козу испробовать. Привязал он её к дереву и стал ждать, когда волки придут.

Пришёл волк, глянул на козу, коза замакала, забекала, хвостом завертела, головой закрутила, а сама — ничего.

— Вот видишь, — говорит барин кучеру, — как она разгневалась. Сейчас подождёт второго волка, а потом их разом съест.

Тут прибежали ещё два волка, съели козу в два счёта.

— Всё же глупая была коза, — вздохнул барин. — Одного волка ей мало, а троих сожрать не могла. — Повздыхал так и уехал.

Как-то шёл дед Егорий мимо барского двора, видит: батрак осла за ворота тащит, а барин смотрит на это и головой качает:

— Ну и глуп же этот старый осёл.

А дед Егорий ему и говорит:

— Ах, золотой ты наш барин, не думай: такой осёл многих людей поумнее будет. Он и писать, и читать научиться может.

— Вот уж неправда!

— Какая же неправда? А что мне взамен дашь, барин, если я за десять лет твоего осла читать и писать научу?

— Сто рублей! А не научишь — прикажу тебе голову отрубить.

— Ладно. Добавь ещё сто рублей — я его и считать научу...

— Вот тебе двести рублей. А того осла я потом сам проверю.

Дед Егорий взял двести рублей, осла и пошёл домой. Дома жена принялась ругать глупого старика:

— Зачем нам деньги, коли тебе за них голову отрубят?

— Успокойся, жена, — принялся утешать её дед Егорий. — Я уже стар, барин стар, и осёл тоже стар. Через десять лет кто-нибудь из нас да умрёт. Если умру я — некому будет осла учить читать и писать. Если умрёт осёл — некого будет учить. Если умрёт барин, кто же мне тогда голову отрубит?

Из далёкой и древней Индии во все стороны да страны разошлись однажды цыгане. Да так и бродит тысячи лет по всему свету беспокойный народ: плясками пятки жжёт, песнями душу веселит, родиной путь-дорогу зовёт.

Цыганку-гадалку издалека заметишь, наряды-платья её ни с чьими другими не спутаешь.

Цыгана отчаянного никакой силой не остановить: что задумает, голова лихая, то и сделает!

И в Пермской области цыгане живут: одни кочуют, другие дома ночуют. А тех, кто ночует, — тех и сосчитать можно: около полутора тысяч будет.

Все цыгане свой язык знают и сказок цыганских не забывают.

Как цыганам невест выбирали

Цыганская сказка

П

одкатил табор к подножию горы. Поставили шатры цыгане, остановились. Были в таборе три невесты на выданье. Захотели родители невест замуж их отдать, да чтобы всё по чести было, да чтобы женихи были самые лучшие. Пошли к вожаку советоваться:

— Помоги, брат...

Собрал вожак молодых цыган, выбрал троих по своему разумению и говорит им:

— Ну-ка, ребята, идите вон на ту гору и принесите в табор то, что вы считаете самым нужным для жизни.

Отправились цыгане. Каждый своей дорогой пошёл. А в таборе уже к свадьбе готовятся, женихов ждут. День проходит, другой, на третий вернулись женихи.

— Покажи, что ты принёс? — спрашивает вожак у одного из них.

Достаёт цыган из мешка огромный кусок золота и отдаёт вожаку.

— Вижу, не зря ты время терял, дорогой подарок своей невесте приготовил. А потому быть тебе женатым на самой богатой девушке в таборе...

И досталась ему самая богатая невеста.

— А ты что принёс? — спрашивает вожак у второго парня. Вытряхнул второй цыган из мешка тушу убитого оленя.

— Вижу, семья твоя с голоду не пропадёт. Знать, судьба тебе взять в жёны самую дородную девушку в таборе...

И досталась ему самая дородная невеста.

— Ну а ты что принёс? — спрашивает вожак у третьего парня. — Вижу, мешок твой пуст. Неужели с пустыми руками вернулся? Неужели за три дня так ничего и не нашёл?

— Обошёл я всю гору, отец, — отвечает третий парень, — красоты повидал немало. А на самой вершине нашёл я цветок прекрасный...

И достал парень из-за пазухи цветок. Разом погасли все цыганские костры, и засиял в долине свет от этого цветка. Был он ярче света солнца и света луны. Удивились цыгане красоте цветка. А вожак сказал:

— Ну что ж, мой дорогой, умеешь ты красоту увидеть, значит, судьба твоя такая. Получай в жёны самую красивую девушку.

И досталась ему самая красивая невеста в таборе.

Для человека и год — много; для народа и целый век — мало.

Ста лет не прошло, как появились в Пермской области чуваш.

Десять тысяч человек да ещё маленько живут по городам, сёлам да деревенькам. Татар да башкир чуваш родней считают, а своё, древнее, не забывают: костюмы из белого холста с тонкой вышивкой носят, украшения из серебряных монет надевают, пироги с бараниной — хуплу — по праздникам пекут.

Раньше жили пермские чуваш на Волге, в степях, где трава по грудь да выше стоит, а на Каму за лесом пришли. Дома на земле Пермской поставили, уходить назад не захотели. Да и пермякам чувашей отпустить не хочется: работают славно, поют душевно.

А ещё говорят: мол, везёт чувашам — у них даже дураки в сказках золото находят!

Как Иван-дурак быка продавал

Чувашская сказка

Давным-давно жили-были старик со старухой. Было у них три сына. Два старших сына были умными, а третий — дурак. Отец и мать старшим всё доверяли: они и работали, и на базар ходили. А младший, Иван, всегда дома сидел.

Однажды попросился Иван с братьями на базар, но они его до того стыдились, что идти вместе не захотели.

Тогда Иван обиделся и говорит:

— Если так — дайте мне самого большого быка, я его сам пойду на базар продавать.

Отец заволновался, спрашивает у старших сыновей:

— Как быть?

А сыновья отвечают:

— Да пусть идёт, с быком ему не справиться, и бык сам домой вернётся.

Дали Ивану быка, и пошёл он с ним на базар. Дорогу на базар не знает, идёт и видит впереди тёмный лес. Решил Иван прямо через лес идти. Шагает по лесу с быком, песни распевает и посвистывает. Подходит он к старой заросшей сосне с большими трещинами. А сосна раскачивается от ветра и звуки издаёт: чирик-чирик, чирик-чирик. А Ивану слышится, что сосна у

него просит быка продать. Сосна опять: чирик-чирик, чирик-чирик. А Иван в ответ:

— За деньгами завтра прийти?

Привязал он быка к сосне и отправился домой. На другой день Иван опять в лес пошёл, но ни быка, ни денег возле сосны не оказалось. Только сосна по-прежнему: чирик-чирик, чирик-чирик. А Иван опять в ответ:

— Что, деньги завтра?

Развернулся и пошёл домой. На третий день просит Иван у отца острый топор и снова идёт в лес за деньгами.

Приходит к сосне, а сосна опять: чирик-чирик, чирик-чирик. Рассердился Иван не на шутку и стал со злости рубить её. Дерево упало, а из дупла высыпалась огромная куча золота.

Обрадовался Иван, побежал домой за телегой. Запряг пару лошадей и поехал в лес за золотом. Погрузил золото на телегу и привёз домой. Родители с братьями сильно удивились и обрадовались. На радостях сыграли богатые свадьбы всем сыновьям, а на оставшиеся деньги построили посреди деревни большую белую церковь. Она и по сей день стоит.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Дело было в старину, когда дед Архип летал на Луну. Тогда сказки по небу летали, а люди их собирали. Я ехал на коне, такая сказка досталась мне...»

(Один из зачинов русской сказки Прикамья)

Пермский край — край сказочный. Сказки пришли сюда вместе с народами, которые здесь поселялись. А так как народов разных на Пермской земле много, то и сказок — не счесть.

Записывать сказки, живущие в Прикамье, собиратели и учёные стали давно, больше ста лет назад, делают они это и сейчас. Имена их многие пермяки знают. Это: В. Серебренников, Д. Зеленин, А. Спешилов, И. Зырянов, В. Лыткин, В. Климов, И. Подюков, Г. Чагин и другие. Однако и сегодня ещё не все сказки записаны и не все записанные опубликованы. Сотни сказочных текстов хранятся в архивах пермских фольклористов и этнографов. Много сказок помнят, наверное, и ваши бабушки и дедушки, которые сами от кого-то слышали их или читали в детстве.

Конечно, пересказать сказку может любой, но сделать это так, чтобы слушать было захватывающе интересно, — удел немногих профессионалов-сказочников. И такие в Прикамье есть.

Так, в селе Русский Сарс Октябрьского района живёт Евдокия Никитична Трясуца, от которой было записано более пятидесяти сказочных сюжетов. Одна из её сказок «Про Бурёнушку» помещена в этом сборнике. Сказку «Как Иван-дурак быка продавал» замечательно рассказала Елизавета Абрамовна Егорова, из чувашской деревни Дойная Куединского района.

Кыснижихан Фархутдинова, из башкирской деревни Кудаш Бардымского района, передала учёным редкий сюжет очень древней сказки «Почему животные не разговаривают». Ну а сказку «Сучок-Сусачок» знает и рассказывает на свой лад, наверное, каждый житель коми-язьвинских деревень Красновишерского района.

Сюжеты, особенно самые древние, иногда кочуют из одной сказки в другую и встречаются у разных народов. И даже один и тот же сюжет рассказывается каждым сказителем по-своему. Поэтому и в настоящем сборнике, возможно, вы встретите сказку, которую уже где-то слышали или читали.

Во время экспедиций по пермским деревням и сёлам не раз приходилось слышать известное поэтическое завершение сказок: «И я там был, мёд-пиво пил...» И рассказчик, и слушатель сами невольно становятся соучастниками описываемых событий. Так и вы, дорогие читатели, через сказку познакомитесь со многими народами, живущими в Прикамье, и приобщитесь к этому великому наследию прошлого.

Александр Черных

СОДЕРЖАНИЕ

БАШМАЧНИК МУРАД И ПАДИШАХ. <i>Азербайджанская сказка</i>	7
ХОЗЯИН И РАБОТНИК. <i>Армянская сказка</i>	15
ПОЧЕМУ ЖИВОТНЫЕ НЕ РАЗГОВАРИВАЮТ. <i>Башкирская сказка</i>	23
МУЖИК И ВЕЛЬМОЖА. <i>Белорусская сказка</i>	27
ПРО ЦАРЯ И ЕГО СЫНА. <i>Грузинская сказка</i>	33
ЛЕВИАФАН, ЛИСИЦА И РЫБЫ. <i>Еврейская сказка</i>	37
КАК ПЫТАЛИ КАМЕННУЮ ПЛИТУ. <i>Китайская сказка</i>	41
КАК ЗАЯЦ ЕПУ-ОХОТНИКА ПРОУЧИЛ. <i>Коми-пермяцкая сказка</i>	45
СУЧОК-СУСАЧОК. <i>Коми-язьвинская сказка</i>	49
ПРОСЯНОЕ ДЕРЕВО. <i>Корейская сказка</i>	53
ОТЧЕГО У ЗАЙЦА ДЛИННЫЕ УШИ. <i>Мансийская сказка</i>	57
КТО ВСЕХ СИЛЬНЕЕ? <i>Марийская сказка</i>	61
ЛЕСНАЯ СТАРУХА. <i>Немецкая сказка</i>	65
КАК БАТРАК СТАЛ ХОЗЯИНОМ. <i>Польская сказка</i>	71
ПРО БУРЁНУШКУ. <i>Русская сказка</i>	79
КАМЫР-БАТЫР. <i>Татарская сказка</i>	85

КАК КОШКА ОКАЗАЛАСЬ С ЧЕЛОВЕКОМ. Удмуртская <i>сказка</i>	93
ОЗОРНЫЕ ШУТКИ ДЕДА ЕГОРИЯ. Украинская сказка	97
КАК ЦЫГАНАМ НЕВЕСТ ВЫБИРАЛИ. Цыганская <i>сказка</i>	101
КАК ИВАН-ДУРАК БЫКА ПРОДАВАЛ. Чувашская <i>сказка</i>	105
От составителя	108

Литературно-художественное издание

СКАЗКИ, живущие в Прикамье

Редактор Ольга Данилова

Автор литературных очерков Андрей Зеленин

Художественное редактирование и оригинал-макет

Галины Пантелеевой

Корректор Галина Борсук

Консультанты

С. В. Неганов, А. А. Курбацкий, Р. И. Щукина

Сдано в печать 25.09.02. Формат 84×108^{1/16}.
Бум. union silk. Гарнитура «Школьная». Усл. печ. л. 11,76.
Уч.-изд. л. 6,8. Тираж 1700 экз. Заказ № 3335.

Пермское книжное издательство.
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 19.
Лицензия № 00273, серия ИД.

Издательско-полиграфический комплекс «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

ББК 84Р1-4

С 42

Сказки, живущие в Прикамье / Сост. А. В. Черных; Худ. А. Т. Амирханов. — Пермь: Кн. изд-во, 2002. — 111 с. — (Сказки народов земли Пермской).

ISBN 5-93683-018-7

ББК 84Р1-4

УДК 882-93

В настоящий сборник вошли сказки двадцати народов, представители которых проживают сейчас на территории Прикамья. Тексты сказок сопровождаются литературными очерками, поэтически рассказывающими об особенностях каждого народа. Включённые в сборник башкирская, коми-язьвинская и чувашская сказки публикуются впервые.

Для дошкольного и младшего школьного возраста.

Пермское книжное издательство